

Сергей Садов, Мар Зальтеррас

ТРИ ДОРОГИ ВО ТЬМУ
ИЗМЕНЕНИЕ

Сергей Садов Иар Эльтеррус Изменение

Серия «Три дороги во Тьму», книга 2

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182232
Садов С., Эльтеррус И. Три дороги во Тьму. Изменение:
фантастический роман: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-32650-1*

Аннотация

В течение многих лет агенты Конторы и Инквизиции лихорадочно искали трех юных магов Тьмы, еще не знающих, кто они такие. Дети росли, жили, постигали мир, с кем-то дружили, а с кем-то враждовали. Но даже не подозревали, что их судьба уже кем-то определена. Как найти их среди миллионов других?

А затем приходит время инициации Трех, время постижения Тьмы. Весь мир после этого может заполыхать – древний маг давно погибшего народа жаждет мести, жаждет отплатить людям за сделанное их предками. Но ведь это сделали предки, а не они сами... Так кому же он собрался мстить? Невинным? Каждому из Трех предстоит сделать свой нелегкий выбор: на чьей он стороне. И стоит ли вообще становиться на чью-либо сторону. Может, лучше отыскать иное решение? А

в мир между тем явились служители совсем иной Силы. Страшной и непредсказуемой. Когда-то очень давно ее называли Справедливостью...

Содержание

1.	5
2.	45
3.	107
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Сергей Садов, Иар Эльтеррус Три дороги во Тьму. Изменение

1.

– Теорема треугольника с прямым углом гласит, – диктовал Стиор, прохаживаясь по комнате и изредка отрываясь от записей, поглядывая на склоненную голову подростка, старательно записывающего за учителем. Сегодня был день Фалнора, поэтому все разговоры в доме велись только на фалнорском. Так Стиор решил обучать мальчика языкам. Когда Раор осваивал первые слова и понятия какого-либо языка, маг выделял день, в который они говорили только на нем. Первоначально мальчик злился, потом возмущался, даже плакал, но маг оставался непреклонен. С дальнейшим изучением языков таких дней становилось больше.

– Записал, учитель.

– Очень хорошо. Теорема гласит, что сумма квадратов длин его сторон, примыкающих к прямому углу, равняется квадрату длины стороны, противостоящей прямому. Мате-

матически это записывается следующим образом... – Стиор подошел к обожженной доске и вывел формулу. Мальчик переписал ее к себе на бумагу.

Да, именно на бумагу – после долгих опытов, проб и ошибок старик все же сумел получить пусть и плохого качества, но бумагу. Даже к магии почти не пришлось прибегать. Конечно, до лучших образцов цивилизованных мест ей было далеко, но это все же лучше бересты. Совершенствовать процесс ее производства помогал Раор. В такие моменты маг особенно гордился учеником. Мальчику ведь исполнилось всего двенадцать лет, а уже такие успехи. Сам Стиор честно признавал, что в его возрасте больше интересовался шалостями, чем учебой. Раор же впитывал все новое, как губка. Достаточно было раз объяснить что-нибудь, и он моментально ухватывал суть. А практичный крестьянский ум мальчика моментально подсказывал, где новое знание можно применить на практике.

Единственное, что огорчало – способности мага У Раора пока не пробудились, а это, в свою очередь, вынуждало задерживаться в ставшей ненавистной деревне. И дело было даже не в обязанностях представителя Церкви, а в людях, которые постоянно шли к Стиору со своими проблемами, казавшимися магу такими пустяками на фоне разворачивающихся событий, но... но он вынужден был их выслушивать, что-то отвечать, решать... к счастью, с каждым годом таких жалобщиков становилось все меньше и меньше. Ста-

роста Пилагма предпочитала разбираться с повседневными вопросами жизни деревни сама и за советом к Стиору не бегала, что последнего вполне устраивало. В освободившееся время маг готовил задания к новому уроку с Раором, редактировал, чтобы вспомнить, чему учили в школе его и как подавали материал учителя. Кое-что добавлял от себя, а кое-чему мальчик и сам мог научить своего учителя. Например, жизни в лесу. Почти каждое лето они уходили на несколько дней в самую чащу. Изучали растения, наблюдали за животными, маг рассказывал о разных расах Танра, вызывая живой интерес ученика.

Однако говорить о необычном Стиор начинал, только углубившись в лес. Здесь гарантировано никто не мог их подслушать.

– Что значит – «нет душ» и «зло»? – ворчал он в ответ на очередной вопрос, поудобнее устраиваясь у костра. – Кто тебе такое сказал? В деревне? Интересно, мнение тех людей основывается, безусловно, на богатейшем личном опыте?

– Ну... нет, наверное... – терялся мальчик.

– Я встречался за время странствия со многими представителями разных народов, и могу тебе сказать, что некоторые так называемые служители Зверя благороднее и честнее иных людей. Их называли таковыми просто потому, что они не похожи на нас. Но разве они зло?

– Хотел бы я познакомиться хоть с одним нелюдем...

Стиор искоса взглянул на мальчика.

– Кто знает, как повернется жизнь. Может, и увидишь еще. Ладно, давай отдыхать... и не рассказывай о нашем разговоре в деревне. Сам понимаешь, как там отнесутся к этому...

Мальчик кивнул. Он полностью доверял учителю и никому ничего не сказал. Когда Раор повзрослел, таких бесед стало больше. Стиор уже не рассказывал сказок, а просто вспоминал свои реальные встречи. С пиратами-людьми, с сатирами, драконами. Рассказывал о безжалостных охотах, которые устраивают на драконов люди и грифоны. Раор слушал молча, хмурился, о чем-то размышляя. Однажды не выдержал и спросил:

– Учитель, вы рассказываете о драконах... мне кажется, они вам нравятся, в отличие от людей... а в деревне все говорят, что драконы – порождение Тьмы.

– Тьмы? – Стиор вдруг совершенно неожиданно для Раора расхохотался. Тот ожидал чего угодно: поучительной истории из жизни, предложения подумать самому, но только не смеха. Мальчик вообще замечал, что учитель редко когда не то что смеется, но даже улыбается. И вдруг.

– Учитель? – мальчик не знал, что и думать. Стиор успокаивающе махнул ему рукой. Попытался замолчать и тут же начал хохотать снова.

– О, Боже, как глупы люди! Порождение Тьмы... надо же было придумать! О таком пустяке, как то, что драконы старше людей на тысячелетия, все забыли. И драконы никогда не

служили Тьме. Слугами Тьмы были дзенны. Драконы служили совсем иной силе.

– А что это за сила? Я ничего не понимаю!

Маг ненадолго задумался. Потом вздохнул.

– Что ж, наверное, пора тебе начать познавать и иные предметы. Только ты должен пообещать, что не станешь говорить об этих занятиях ни с кем в деревне. Обсуждать такие темы мы будем только в лесу или в моем доме. Договорились?

Мальчик удивленно смотрел на учителя и задумчиво наматывал прядь волос на палец.

– А почему? Почему об этом нельзя говорить?

– Хотя бы из-за невежества людей. Сам сказал, что они считают драконов порождением Тьмы. Люди всегда боятся того, чего не понимают. Они даже не подозревают, насколько смешны, рассказывая всякую чушь. Но, даже не понимая этого, они любого объявят служителем Тьмы, не задумываясь, что Тьма и Зло отнюдь не синонимы.

– Разве?

Стиор хмуро глянул на Раора, и тот поспешно прикусил язык.

– Зло, – сердито объяснил маг, – это наши поступки, идущие вразрез с предначертанием Создателя. Тьма же – всего лишь сила. Одна из трех, оставленная Создателем править миром. Только три силы, находясь в постоянной борьбе, обеспечивают гармонию.

– Как так может быть? Если они в борьбе, то какая может быть гармония?

– А подумать?

Раор насупился и обиженно засопел.

– Всегда вы так говорите.

– Потому что ответ, до которого дошел сам, запоминается лучше, чем если тебе преподнесут его на блюде. Так вот, ответ ищи сам. Но я тебе немного помогу. Давай отвлечемся от образов и сделаем пример немного нагляднее. Представим Тьму – ночью, а Свет – днем. День и ночь всегда в вечной борьбе друг с другом. День сменяет ночь, и наоборот. А теперь представь, что кто-то из них победил. Все, давай займемся уборкой.

Старательно сметая снег с дорожки перед крыльцом, Раор продолжал размышлять над словами Стиора. Маг видел, что мальчика мало заботит его работа. Иногда он словно застывал, продолжая мести на одном месте минут десять. Потом, встрепенувшись, продолжал, как ни в чем не бывало. Затем снова замирал. Маг не торопил и не мешал. Тихонько занимался своими делами. Подбросив пищу для размышлений, он отошел в сторону и теперь терпеливо ждал, когда у ученика возникнут новые вопросы и ему захочется понять и узнать больше. А в том, что это случится, Стиор не сомневался. Слишком жадным до новых знаний был Раор, а разобраться самостоятельно еще не мог – маловато жизненного опыта.

Раор пришел на следующее утро в полузастегнутой шубе, запыхавшийся, возбужденный, но выглядел он не радостным, как обычно, когда находил решение трудной задачи, а скорее растерянным.

– Учитель, я понял, о чем вы говорили. Если победит ночь, растения не смогут расцвести, и все умрет. Люди не смогут жить без света. А если победит день, то Солнце выжжет все живое. Чтобы продолжалась жизнь, день и ночь должны вечно сменять друг друга.

– Верно. И чем ты недоволен? Ты же нашел ответ.

– Но я не понимаю, какое отношение день и ночь имеют к Свету и Тьме? И вы говорили про третью силу. Какая еще третья сила?

– Гм... Отношение... Да в общем-то, не имеют. Это просто для примера. Аналогия. Понимаешь? Ты пришел к выводу на основании своих знаний, что день и ночь необходимы только вместе, и только тогда идет жизнь. Свет и Тьма... тут все сложнее. О них спорили философы тысячи лет. Тысячи мудрецов пытались найти ответы на эти вопросы. А ты пришел, и хочешь сразу все понять. Нет, мой мальчик, этот ответ тебе придется искать всю жизнь. И каждый раз, когда тебе будет казаться, что ты приблизился к нему – жизнь подкинет такое, что опровергнет все твои прежние выводы.

– Но зачем тогда искать ответ?

– Потому что в этом вечном поиске и состоит наша жизнь. Каждый человек что-то ищет. Кто деньги, кто знания, кто

ответы на вечные вопросы.

Раор печально вздохнул.

– Я не понимаю.

Маг улыбнулся.

– Открою секрет. Я тоже не понимаю, хотя ответ ищу намного дольше твоего. Но я рад этому. Значит, есть еще в жизни что-то, что я могу познать. А значит – я еще жив. Ну, а что касается третьей силы... Тут все просто. День и ночь должны сменять друг друга, чтобы могла существовать жизнь. Но с какой скоростью они должны это делать? Если будут меняться слишком быстро, мир не сможет приспособиться к этому. Если медленно – он умрет, не дождавшись восхода, либо заката. Третья сила – это Равновесие, которая поддерживает баланс между Светом и Тьмой. Следит, чтобы они всегда находились в равновесии друг с другом, чтобы мир не начало клонить в ту или иную сторону.

– Кажется, я понял... – Раор замолчал и озадаченно взглянул на мага.

Тот задумчиво глядел куда-то вдаль и словно не слышал мальчика, рассказывал, но не ему, а кому-то далекому.

– Очень-очень давно, много тысячелетий назад, по какой-то причине равновесие сил в этом мире нарушилось. Оно качнулось в сторону Света. Качнулось и не смогло выправиться. Равновесие ушло из мира. Тьму загнали в самые глухие уголки Танра. И теперь мир медленно гибнет. Но слепцы не видят этого. Им кажется, что все злое, что тво-

рится в мире – это происки оставшихся адептов Тьмы, и за ними объявлена беспощадная охота. Уничтожаются все, кого заподозрят хотя бы в симпатиях к этой силе. И никто не понимает, что все зло – следствие нарушенного баланса. С каждым уничтоженным служителем Тьмы мир все ближе к краю пропасти.

Тут маг словно очнулся и растерянно огляделся. Он как будто не понимал, где находится. Потом устало провел рукой по глазам.

– Ладно, это пока слишком сложно для тебя. Потом когда-нибудь поймешь. Обещай только никому не рассказывать о том, что услышал от меня. Поверь, это для твоего же блага.

– Обещаю, – прошептал Раор, потрясенно наблюдая за учителем. Ему казалось, что в этот миг с ним говорил не «дядя Арсений», а кто-то неизмеримо более могущественный. И этот кто-то разговаривал именно с ним, двенадцатилетним ребенком. Даже под страхом смерти Раор не осмелился бы передать другим людям слова, обращенные неизвестным и могучим к нему.

После этого разговоры о разных силах на Танре, их адептах и вечной борьбе между ними стали регулярными. Это все оказалось настолько новым для мальчика, что он и про изобретения свои позабыл. Зато нескончаемым вопросам не было конца.

– Пойми, – отвечал Стиор. – Я сам всего не знаю. Много

книг погибло вместе с дзеннами. А те, что остались, исчезли в архивах Церкви.

– Дядя Арсений, а ведь вы не священник, – вдруг заявил мальчик.

Стиор на мгновение замер. Потом сел напротив Раора.

– Почему так думаешь?

– В деревне хоть и нет священника, но от последнего осталось священное писание. А вы всегда заставляли меня думать. Я забрал писание и прочел. А потом долго думал. Того, что вы говорите, там нет. Там описана вечная борьба Тьмы и Света, Зверя...

– Зверь. А ты знаешь, кого так называют?

– Врага Бога...

– Ха! Неужели ты думаешь, что у Создателя может быть враг? В любом случае, тот, кого впоследствии стали так называть, на такой титул не тянул. Ни по силам, ни по чему иному. Да и не был он врагом. Просто служитель Тьмы. Один из адептов. Самый великий маг народа дзенн. Людям – да, людям он враг.

– Маг-дзенн? Подождите, учитель, но...

– Неожиданно, да?

– Но вы всегда говорили, что дзенн мудры, а тут... враг людей...

– Мальчик, на его глазах эти самые люди уничтожили практически всех его собратьев. Задумайся об этом. Их убивали те, кого они учили, с кем делились своей мудростью.

В один миг привычный мир рухнул. Человеческие маги уже шли к его покоям. Все, кого он знал, погибли. Как ты считаешь, что он должен был чувствовать по отношению к совершившим все это?

Раор задумался. Его передернуло.

– Учитель, мне страшно... А осталась ли у него хоть крупица жалости? Если он вдруг вернется, как говорит легенда, он же...

Маг замер. Руки бессильно упали на стол. Он хотел что-то сказать, но не смог произнести не слова. Раор испуганно подскочил к нему.

– Сердце... – прохрипел Стиор. – Там, за печкой, настой... дай.

Раор опрометью кинулся к печи. Прекрасно зная, где что лежит у мага, он быстро отыскал пузырек, зубами вытащил деревянную пробку, обмотанную тряпицей и влил практически весь настой Стиору в рот. Тот отчаянно закашлялся.

– Не весь же, – выдохнул он. – Ладно, спасибо тебе.

– Вам лучше, учитель?

– Да. Просто... ты сказал нечто... впрочем, неважно. Раор, прости, но сегодня я не в силах вести урок.

– Конечно-конечно, ложитесь, отдохайте, я рядом посижу...

– Нет. Раор, возвращайся домой.

– Но, учитель...

– Возвращайся, я сказал. Со мной все будет хорошо.

– Но ваша болезнь...

– Этого больше не повторится. Иди. Мне надо побыть одному и подумать.

Раор, постоянно оглядываясь, несмело двинулся к выходу. Маг ободряюще ему улыбнулся. Когда мальчик вышел, он устало прикрыл глаза и откинулся на скамейке, прислонившись к стене.

– Прирожденный маг, дзенна в душу... Банальный сердечный приступ пропустил. Но слова малыша...

Слова ребенка были страшны. Сейчас Стиор сам удивлялся, почему эта простая мысль не приходила ему в голову раньше. Воистину, уста младенца... которыми говорит Бог? Что, если так? Маг провел рукой по лбу. Снова стало страшно. А ведь казалось, уже поборол первоначальный ужас, который буквально резанул по нервам, когда он осознал, что сказал Раор. Даже контроль над организмом потерял, вот и получил приступ. А ему сейчас никак нельзя умирать. Господи, еще лет шесть, и все! Лет шесть, больше ни о чем не прошу! Мальчик еще не готов. Но если ты против... что, если мальчик прав?

– Броах!!! – послал он мысленный зов.

Дзенн явился, как всегда, быстро. Скрипнула дверь, мелькнула тень и перед магом замерла высокая четырехрукая фигура.

– Учитель?

– Скажи, Броах, как думаешь, Ушедший будет мстить?

Брови Броаха удивленно приподнялись. Правая верхняя рука озадаченно почесала надбровья.

– Люди заслужили свою судьбу, – наконец высказался он.

– Ты даже не сомневаешься, – устало произнес маг. – Я тоже человек. Ты забыл об этом?

– Вы уже не человек. Вы маг Тьмы.

Стиор хмыкнул.

– А Раор?

– Он тоже скоро станет магом Тьмы.

– Об этом я не думал...

Наверное, впервые Стиор засомневался в том, что он делает.

– Скажи, чем же вы тогда будете отличаться от тех же людей? Они почти уничтожили ваш народ, вы теперь хотите уничтожить их. В чем отличие?

– Они первые начали.

Стиор несколько секунд вглядывался в пустоту глаз Броаха. Покачал головой. Нет, он так и не научился читать души дзенн.

– Люди – это еще дети. Нельзя убивать детей за то, что они побаловались с огнем, сами не зная, с какой опасностью играют. Наказать надо, но убивать...

– Но чего тогда вы хотите, учитель?

– Равновесия! Я хочу восстановить равновесие этого мира, Броах! Неужели ты не понял за столько времени, что провел рядом со мной?

Дзен пожал плечами.

– Мы не служим Равновесию. И никогда не понимали его.

– Да. И чтобы вернуть равновесие, надо для начала вывести из лесов Тьму. Я надеялся, что именно это и буду делать.

– А разве не так?

– Уже не знаю, Броах. Уже не знаю. – Усталый вздох Стиора заставил Броаха слегка отстраниться. В таком состоянии он мага еще ни разу не видел. Дзенн неуверенно потоптался, сжимая копьё в одной из рук.

– Что-то случилось, учитель?

– Мальчик быстро учится. Он уже задает вопросы, на которые я не могу ответить.

– А разве не к этому вы стремились?

– Да. Он хороший ученик. Ладно, иди, Броах. А то люди могут прийти. Я слышал, в деревне ждут чьей-то скорой смерти. Могут попросить отпеть. Не дело, если тебя увидят.

Броах поклонился и исчез. Скрипнула дверь. Маг с трудом поднялся и подошел к окну. Долго вглядывался в небеса, словно пытаясь найти там ответ.

– Осталось ли у тебя хоть капля жалости, или все выела ненависть? – спросил он в пустоту.

Ответа не было.

Знакомство Раора с Броахом состоялось примерно через полгода, совершенно неожиданно для Стиора, хотя он исподволь и готовил мальчика к встрече. После слов Раора о

ненависти маг сделался задумчивым. Подолгу сидел на берегу реки, рассматривая небо, словно желая что-то спросить у него, но не осмеливаясь. Он пытался поделиться своими сомнениями с Броахом, но дзенн просто не понял их. Наверное, впервые со времени знакомства между учителем и учеником пробежала трещина непонимания и недоверия. Броах считал, что вернуть Ушедшего надо в любом случае. Стиор же впервые стал задумываться о последствиях, но и повернуть назад уже не мог. В один из вечеров, когда маг захотел поделиться своими размышлениями с Броахом и снова натолкнулся на стену непонимания, он не выдержал:

– Да что же хорошего в этом?! Скажи, тебе ведь не нравится, как живет твой народ? Почему же ты хочешь такой же судьбы другим?

Спорить было трудно. Броах оставался невозмутимым и отвечал коротко, причем все его возражения сводились к фразе: «Такова судьба». Этот фатализм Стиор терпел с трудом.

– А своя голова у тебя есть? Как ты собираешься служить одному из Трех? Или ты думаешь, что ему нужен попугай?

– Я думаю. Я вам сказал результат своих размышлений.

Стиор вздохнул. Да, Броах сильно изменился с того времени, как он с ним встретился. Сейчас, глядя на невозмутимого, уверенного в себе взрослого дзенна, он вспоминал прежнего озорного юношу, почти мальчишку. Это ли цена, которую стоит платить за исполнение древнего пророчества

существа, на чьих глазах погиб его народ?

В этот момент распахнулась дверь, и в дом ворвался Раор. В его неожиданном появлении был виноват сам Стиор, настроивший сигнализацию на ученика. Надо было оставить хотя бы предупреждающий сигнал, тогда мальчику не удалось бы застать мага врасплох, но...

– Учитель!!! Дядя Арсений!!! Я сейчас такое видел... – Что он видел, Раор сказать не успел, так как заметил дзенна. Тот попытался дернуться, чтобы сбежать, но сообразив, что уже поздно, замер. Впервые Стиор заметил растерянность на лице Броаха. Можно было бы порадоваться, что не все чувства у него умерли, только вот ситуация, в которой это выяснилось...

Стиор лихорадочно размышлял, что бы ответить, как оправдаться. Если мальчик сейчас в ужасе выскочит и умчится в деревню – будет беда. Стиор на всякий случай приготовил обездвиживающее заклинание. Рискованно, но... А дальше что делать? Трудно убедить парализованного человека, что не желаешь ему вреда. Тем более, что Раор отличается редкостным упрямством. Кому другому можно было бы и память подправить, но мальчик – прирожденный маг, пусть пока и с непробудившимися способностями. Так что это может и удастся, но сил уйдет... да и результат не гарантирован. Ну, не убивать же, в самом деле, того, кого учишь?

– Раор, мальчик мой...

Тот вдруг подпрыгнул, указал пальцем на замершего дзенна и завопил:

– Это он!!! Учитель, это он!!! Я сегодня его видел!!! И вас! И ему было очень грустно! Очень-очень!

Стиор устало опустился на лавку, покосившись на неподвижного Броаха.

– Раор, начни сначала, пожалуйста, – попросил он. – Я тебя не понимаю.

Разговор принимал какой-то идиотский характер. Мальчик вместо испуга радостно кричит, что уже где-то видел дзенна. Сам дзенн вдруг демонстрирует чувства, хотя маг был уверен, что их у него не осталось. Но поделаться ничего Стиор не мог, поэтому оставалось только плыть по течению.

Раор попытался взять себя в руки. Успокоился. Отдышавшись, тут же зачастил:

– Вот его видел! Я уже собирался спать ложиться, когда вдруг передо мной появился он. Вот он! Он смотрел на вас и что-то говорил! Точнее, отвечал вам. И ему было очень плохо! И грустно. – Раор вдруг замолчал и уставился на дзенна. – Мне показалось, что ему грустно, – уже не так уверенно заметил он. – Наверное, вы ссорились, и это очень ранило... это существо. – Раор неуверенно взглянул на дзенна, потом на Стиора. – А кто он?

Броах остался невозмутимым, предоставив вести разговор магу. Тот вздохнул.

– Это долго объяснять. Ты лучше скажи, как здесь оказал-

ся.

– Так я же сразу вскочил, как увидел его у вас дома. Уж ваш дом я всегда узнаю. Прыгнул в окно и – сюда.

– По крайней мере, одна загадка разрешилась. Что же касается твоего вопроса... Я думал, ваше знакомство произойдет позже. Но раз так случилось... Раор, познакомься – это Броах. Охотник народа дзенн.

– Очень прия... Дзенн?! Но, учитель, вы же говорили, что этот народ истреблен!

– Я такого не говорил. Я говорил, что была уничтожена цивилизация дзенн, а не народ. Остатки народа нашли приют в Коствадских лесах. В своих далеких путешествиях я случайно познакомился с ними. Броах вызвался сопровождать меня в странствиях.

– А почему я его видел?

М-да. Умеет мальчик думать, и думать быстро. Сразу задал главный вопрос. С другой стороны, значит, не зря его учил. Это ли не лучшая похвала учителю?

– Точного ответа я не знаю, но предположение есть. Однако! – Стиор властно поднял руку, останавливая готового лопнуть от нетерпения мальчишку. – Этот разговор очень долгий и очень серьезный. И начинать его вот так с бухты-барахты не стоит. Ты сейчас отправишься домой и хорошенько выспишься. А завтра, когда придешь ко мне, мы и поговорим. И не волнуйся, раз уж ты уже познакомился с Броахом, он никуда не денется и тоже будет тут.

– Но, учитель...

– Никаких «но»! Это не тот разговор, который можно вести наспех. Хочешь, чтобы родители заметили твое отсутствие?

Раор сник.

– Но завтра вы, правда, все расскажете?

Стиор молча взглянул на мальчика, и тот заерзал.

– Понял. Понял я. Только... скажите, а потом? Потом можно будет рассказывать об этом?

– Когда узнаешь правду – сам решишь, – серьезно ответил Стиор.

Несколько минут после ухода мальчика в комнате царило молчание.

– Все совсем не так, как должно быть, – вздохнул Стиор. – Что-то в мире идет не так, как следует.

– Учитель...

Стиор поднял руку, останавливая дзенна.

– Прости меня. Я должен был понять, что мои сомнения причиняют тебе боль. Но ты очень умело скрывал чувства...

– Учитель...

– Знаю, что хочешь сказать. Но давай все отложим до утра, раз уж так получилось. Мальчику тоже лучше послушать. Меньше потом повторяться. И... знаешь, наверное, ты прав. Пусть все идет, как идет.

Броах повернулся к двери и заколебался.

– Мне уйти?

– Зачем? Ложись в доме. Чужой не появится, а от Раора скрываться уже бессмысленно.

Броах кивнул, улегся рядом с печкой прямо на полу, свернулся там и тут же уснул. Стиор поглядел на него и вздохнул. Есть чему позавидовать. Никаких сомнений и тревог. Сам маг давно так не мог. И дело не только в возрасте, хотя и он давал о себе знать. Есть еще огромная ответственность, которую взвалил на него учитель. Только сейчас Стиор по-настоящему начал ощущать ее тяжесть. А ведь основное решение будет принимать уже не он. Дальше этот неподъемный груз понесет мальчик, прибежавший этим вечером к нему в дом. Справится ли? Какое решение примет? И что делать ему?

Стиор осторожно провел рукой по кресту на груди, к которому привык и который раньше никогда не носил. Презируя Церковь, маг не терпел никаких ее атрибутов. Надел по необходимости и незаметно как-то свyksя. Поднял крест и внимательно рассмотрел вычеканенный профиль распятого человека.

– Интересно, а что бы ты сказал на это? – пробормотал он. – Одобрил бы действия своих последователей, или отвернулся от них? И каково твое реальное Слово было, а не то, что нам рассказывают сейчас в переделке Второго Спасителя? И почему тебя изображают на этом кресте?

Стиор поежился. С каких это пор его начали интересовать такие вопросы? Однако сейчас он готов был отдать что

угодно, только чтобы покопаться в архивах Церкви. В них ведь должно было сохраниться изначальное Слово первого Спасителя. Может, там нашелся бы ответ на его сомнения? Странно... Маг вздрогнул. Давно ли он начал искать ответы у Церкви, которую всю жизнь ненавидел? Однако, поневоле играя роль приходского священника в богом забытой дыре, он не мог не проникнуться этим духом.

– Что ж... – Маг поднялся. – Раз так, посмотрим. – Он снял распятие и аккуратно пристроил его на выступе печи. Повернулся к нему и перекрестился. – Тяжкие времена грядут, и ты знаешь об этом. Обращаюсь к тебе, первому Спасителю! Будь судьей нам и всем детям твоим! Предаюсь в руки твои! Да будет все по воле твоей!

Стиор вздрогнул, уловив какое-то магическое дуновение. Настолько мимолетное, что он даже сначала принял его за галлюцинацию, вызванную напряжением чувств. Если бы не следы, оставленные в сигнальной сети вокруг дома, он так и решил бы, в конце концов. Но здесь... Здесь было нечто иное. Внезапно Стиор почувствовал громадное облегчение. Словно огромный груз сняли с его плеч. Он вздохнул и расправил плечи.

– Значит, ты услышал меня... Ну что ж... пусть будет, как будет...

Когда Броах проснулся утром, он не узнал учителя, настолько тот изменился. Исчезли тревога и тоска из глаз, раз-

гладились морщинки. Маг словно стал выше ростом. И больше не было той раздвоенности в его ауре, которая раньше росла с каждым днем и так пугала дзенна.

– А, встал? Тогда помоги стол накрыть. Скоро наш юный друг явится.

Броах вскочил. Замер. Недоверчиво повертел головой. Он радовался изменениям в учителе, но... но за ночь... это пугало. Что же произошло этой ночью? Маг, похоже, уловил его сомнения и повернулся к ученику. Нахмурился. Потом понимающе хмыкнул.

– Удивляешься? А ты знаешь, что чем дольше живешь, тем больше понимаешь, что ничего ты, в сущности, о мире не знаешь?

– Мир большой, – в свойственной ему манере отозвался дзенн, еще не понимая, радоваться перемене в учителе, или нет. А тот, будто не замечая тревоги ученика, хлопотал вокруг стола, раскладывая небогатые припасы.

Вскоре Стиор понял, что с такими «разносолами» много не сделаешь. Хлеб, картошка, овощи и мясо, добытое Броахом. Он нахмурился, потом махнул рукой.

– Один раз, ради такого случая, можно, – пробормотал маг. Прикрыв глаза, сосредоточился. Да, давненько он не прибегал к высшему мастерству.

Эта магия не требовала столько времени, но Стир рисковать не хотел и сейчас пытался замаскироваться, рассеив свое заклинание. Пусть ищут источник на площади в

несколько сотен миль.

Вот заклинание сплетено... Стол подернулся дымкой, слышались частые хлопки. Когда дымка рассеялась, стол оказался заставлен такими изысканными яствами, что дзенн и названия многим подобрать не смог.

– Пусть побесится, – весело хмыкнул Стиор.

– Что, учитель?

– Говорю, пусть побесится теперь.

– Э... кто?

– Аббат Григена. Это городок, через который мы проходили, когда искали Раора. Был там один толстый аббат, очень противный. Я ему на всякий случай сюрприз оставил. Теперь вот пригодился. Да-а, я и не предполагал, что у него такие обеды. Интересно, а как насчет воздержанности? Впрочем, ладно, поголодать хотя бы денек ему точно не помешает.

– Учитель, вы хотите сказать...

– Ну да. Прямо со стола. О! Зайчатина даже не остыла еще. Так, а это уже кто-то ел. – С легким хлопком блюдо исчезло. – Не будем угощать нашего молодого друга этим. Вдруг его аббат пробовал? Еще отравим Раора.

Броах узнавал и не узнавал Стиора одновременно. Тот словно сбросил несколько десятков лет. И этот его последний поступок... на грани провала, какое-то мальчишеское озорство, так не похожее на всегда сдержанного, осторожно-го и продумывающего каждую мелочь черного мага. Стиор, делая вид, что не замечает недоумевающего дзенна и что-то

насвистывая под нос, хлопотал вокруг стола.

– Так, это сюда, – пробормотал он, ставя шикарную супницу из фаянса в центр.

Еще раз задумчиво оглядев еду, маг покачал головой и щелкнул пальцами. Вокруг стола образовалась тонкая пленка.

– Ну вот. Теперь не остынет.

– Учитель, но магия...

– Ничего. Я хорошо потрудились за эти годы. Не бойся, никто не заметит... если, конечно, не держать «покрывало» слишком долго... А долго держать не придется. Вот и наш друг.

Раор, запыхавшийся от быстрого бега, влетел в комнату и остановился, опершись руками о колени и тяжело дыша. При этом смотрел только на Броаха. Похоже, боялся, что вчерашний день окажется всего лишь сном. Богатый стол он не заметил.

Убедившись, что ему не померещилось, мальчик опустил голову, судорожно дыша.

Стиор подошел к нему и слегка коснулся спины. Раор вздрогнул и выпрямился, удивленно хлопая глазами. Его дыхание стало ровным, колющее в боку тоже пропало.

– Вовсе не обязательно было так нестись, – укоризненно покачал головой маг. – Тебе лучше?

– Да... но... а как вы это делаете?

– Чему только не научишься в странствиях, – усмехнулся

Стиор. – А сейчас – давай к столу. Там и поговорим.

Раор обернулся и замер, ошарашенно рассматривая богатую сервировку. Он бывал в доме отшельника почти каждый день, знал здесь каждую щелочку, каждый уголок. И готов был поклясться, что такой посуды здесь отродясь не водилось. А еда... как, интересно, называется вон то блюдо? Что-то запеченное и политое каким-то белым соусом.

Опасаясь, что все это только мираж, мальчик осторожно коснулся стола и тут же отдернул руку. Потом коснулся уже более уверенно. Но стол знакомый. Каждая трещинка на нем изучена. А вот еда... Мальчик тронул одну из тарелок. Коснулся ложки.

– Не бойся. Все настоящее. Присаживайся.

Голос Стиора вывел Раора из ступора, но смелости не прибавил. Сам не зная чего, мальчик испугался. Он вдруг понял, что с сегодняшнего дня его жизнь сильно изменится. Непонятно – как, непонятно – к добру ли, но изменится точно. Какие у него были планы? Ну, вырасти, жениться, а когда приемный отец умрет, занять его место трактирщика. Втайне мечтал смастерить нечто такое, от чего все вокруг ахнут. Только до встречи с этим странным святым братом его чаще ругали за изобретения, чем хвалили. Потому Раор и ухватился за предложение Стиора, когда тот пообещал его многому научить. И ведь научил. Никто в деревне не дал бы таких знаний. Мальчик по-настоящему уважал своего учителя. Да и познавать неведомое оказалось очень увлекательно.

Каждого нового урока Раор ждал, как какого-то чуда. Новые знания помогли ему сделать действительно полезные вещи. Он даже заставил приемного отца иначе переложить печь, и теперь трактирщик не мог нахвалиться на нее. И все благодаря Стиору.

– Ну, что ты, садись, не бойся.

– Но... откуда это все? – смог, наконец, вымолвить Раор.

Стиор, подавая пример, сел напротив мальчика, пододвинул к себе тарелку с супом. Следуя его примеру, рядом сел и дзенн. Честно говоря, мальчик был не уверен, что четырехрукому понравится эта еда, но тот, вопреки ожиданию, начал есть с заметным удовольствием. Раор растерянно огляделся. На него, похоже, никто не обращал внимания. Сообразив, что пока не поест, учитель разговаривать не будет, мальчик осторожно сел на краешек стула и растерянно оглядел стол. Потом аккуратно придвинул к себе то блюдо, что привлекло его внимание. Снова осмотрелся. Деревянной ложкой, которой он привык орудовать, есть будет неудобно. На всякий случай мальчик все-таки поковырялся ею. Нет, зацепить очень трудно. Блюдо представляло собой что-то, нарезанное кружочками, которые были обильно политы... расплавленным сыром, сообразил Раор. Сыр тянулся и никак не давал набрать в ложку хоть немного. Мальчик попытался краем ложки отпилить сыр, но едва не опрокинул тарелку себе на колени. Расплескал стакан с непонятным напитком.

– Кажется, у нашего друга есть один пробел в образова-

нии, – заметил Стиор, наблюдая за попытками Раора попробовать незнакомое блюдо.

– Его же этому не учили, – заметил дзенн.

Он впервые заговорил при мальчике, и тот удивленно глянул на него – был уверен, что дзенн если и говорит, то никак не на человеческом языке.

– Броах, будь добр, покажи, как надо.

Тот удивленно глянул на учителя, потом что-то сообразил и кивнул. Встал из-за стола, обошел замершего на стуле Раора, который боялся даже пошевелиться. Дзенн испуга ребенка словно и не заметил.

– Смотри, – он взял напрягшуюся руку мальчика и заставил того поднять нож. В другую руку чуть ли не силой впихнул непонятный инструмент с четырьмя зубьями. – Теперь сядь прямо. – Третья рука дзенна уперлась мальчику в спину, заставляя его выпрямиться. – Вот так. Инструмент с зубьями называется вилкой. Им ты придерживаешь еду, а ножом аккуратно отрезаешь кусочек такой величины, чтобы его можно было целиком положить в рот. Отрезал? Теперь накалываешь его на вилку и... вот так. Пока жуешь, больше ничего не делаешь. Сначала глотай, а потом только отрезай новый. И не торопись. Никто твою еду не украдет.

Первый испуг прошел и Раор, сам себе удивляясь, даже сумел огрызнуться:

– Конечно, никто! У нас дома пять человек. Если зевать будешь – без еды останешься.

СТИОР едва не подавился, с трудом сдержав смех.

– Все верно, – кивнул он. – Когда ешь из одной тарелки – зевать не приходится. Но здесь, как ты заметил, у каждого своя тарелка. Никто в нее, кроме тебя, не полезет. Поэтому торопиться не стоит. Жуй медленно и тщательно. Это, кстати, и для здоровья полезнее.

– А когда поешь, возьми салфетку и аккуратно промогни губы, – добавил Броах. – Не всем приятно созерцать соус на твоём подбородке.

Раор насупился. Глянул исподлобья.

– Это новый урок, да?

– Правильно, – кивнул Стиор. – Называется – «этикет». И, кажется, я много упустил, когда не обращал внимания на эту сторону воспитания.

Раор хмуро вывернулся из рук дзенна, отбросил салфетку и отодвинулся от стола.

– Я ведь не это хотел услышать! И вы мне не это обещали показать!

– Зато так понятнее. Но если ты больше не хочешь есть... – Раор демонстративно сложил руки на груди. Стиор хмыкнул. Слегка махнул рукой. Стол подернулся дымкой, а когда она рассеялась, взору мага предстали совершенно круглые глаза мальчика и девственно чистый стол.

– Колдовство... – прошептал Раор.

Стиор поморщился. Потом выдвинул скамейку и сел так, чтобы видеть ребенка.

– Можно, конечно, и так сказать... если не вкладывать в это слово эмоций. На самом деле, это обычная магия. Мы ведь об этом уже говорили, помнится.

Раор наморщил лоб. Потом кивнул своим мыслям.

– Но... – он замолчал и испуганно взглянул на Стиора. Потом нахмурился. Морщины испуга разгладились, и тут же мальчик снова нахмурился. Стиор в этот миг мог прочесть его мысли по одному лишь выражению лица. Вот он вспоминает то, что говорили о магах в деревне и сжимается. Но тут же на память приходят рассказы и уроки самого Стиора, и он расслабляется, но новые тревоги одолевают его. Сомнения, тревоги, воспоминания... Маг не спешил ученику на помощь, дав ему время самому делать выводы. Раор изредка поглядывал на учителя, ожидая хоть какой-нибудь помощи, но тот молчал. Смотрел внимательно, выжидая, но молчал. Он всегда так молчал, ожидая, когда Раор сам отыщет решение какой-нибудь трудной задачи.

– Но я же ничего не знаю!!! – вдруг отчаянно вскрикнул мальчик. – Учитель, расскажите мне все!

Стиор улыбнулся.

– Знаешь, а все-таки не зря я тебя учил все это время. Не бежишь от неизвестного и непонятного, а пытаешься узнать сначала. Я хотел рассказать тебе об этом позже, когда станешь немного взрослее... но раз так сложилось... тебе многое может быть непонятно, не стесняйся, задавай вопросы. Если ты чего-то не поймешь и станешь действовать... ладно,

в общем, спрашивай.

Раор серьезно кивнул. Сел напротив Стиора, покосился на дзенна, неподвижно замершего около печи, и приготовился слушать.

– Вот теперь ты все знаешь, – закончил Стиор, устало вытерев лоб.

Разговор выдался не из легких. Все-таки, слишком рано Раор узнал правду, не готов он еще к ней. Маг вынужден был подбирать слова так, чтобы двенадцатилетний мальчик хоть что-нибудь понял. Даже не понял, а осознал. Но при этом он не должен был испугаться грандиозности задачи. Впрочем, о последнем не стоило и волноваться: Раор пришел в восторг. С огромным трудом магу удалось убедить мальчика, что это не сказка и не легенда, где для героя все и всегда заканчивается хорошо. Еще труднее пришлось Стиору, когда он отвечал на бесконечные вопросы ученика, требующего пояснить то одно, то другое. Из-за этого разговор и затянулся почти до пяти часов вечера.

– Все равно, трудно поверить, – Раор озадаченно чесал в затылке. – Магия, пророчество, темные силы, светлые...

– Да не силы темные и светлые! – устало отозвался Стиор. – А магия Тьмы и магия Света.

– Нет, это я понял. Но вы ведь говорили, что магия Тьмы – это не зло?

– Зло не в магии, а в людях. Кто-то владеет мечом, кто-то

магией, кто-то словом. Но как и куда направить свое умение – решают только сами люди.

– Но в темноте удобнее творить преступления!

– Решил пофилософствовать? Думаешь, у тебя есть шансы в споре со мной? Ну что ж, хорошо. Темнота действительно неплохо скрывает преступника. Удобно прокрадываться в чужие дома, грабить прохожих. Но ведь это мелкие пакости. Нет, если в ночи убили человека, то для него самого, понятно, вопрос уже не мелкий, но вот для мироздания – ничего не изменилось. Зато самые страшные преступления, потрясавшие основы мира, всегда замышлялись и творились при свете.

Раор недоверчиво взглянул на мага.

– Не веришь? Ну что ж. Вот тебе примеры. Помнишь, я рассказывал о том, как в этом мире появились новые расы?

– Конечно.

– Как ты считаешь, доброе дело сотворили те эльфы? Сколько крови стоило их решение?

– Но ведь они и людей сюда привели. Разве мы, люди, можем осуждать их за это?

– Хороший вопрос. Спроси об этом у дзенна, чей народ был почти полностью уничтожен теми самыми людьми, которых привели по Дороге Миров.

Раор испуганно вздрогнул и покосился на неподвижного Броаха, который все время разговора так и простоял, не меняя позы. Он словно окаменел.

– Вот-вот. Кстати, если уж на то пошло, то план атаки на дзенн Второй Спаситель и его иерархи тоже вряд ли разрабатывали по ночам. Так что – решай сам.

Раор сидел, нахохлившись, обдумывая новую для него информацию. Было видно, что с таких позиций он проблему не рассматривал, хотя обо всем этом маг и рассказывал. Стиор сочувственно смотрел на мальчика, на которого разом вылилось столько необычного.

– Раор, думаю, тебе надо немного отдохнуть. Давай продолжим завтра? Ты к тому времени успеешь и обдумать спокойно, что узнал.

Вопреки ожиданиям, мальчик спорить не стал. Безропотно поднялся и направился к выходу. У порога остановился.

– Я, наверное, пока никому не стану говорить об этом.

– Надо было его хотя бы накормить, – вышел из неподвижности Броах. Стиор озадаченно глянул на него, потом хлопнул себя по лбу.

– Конечно! Раор же прибежал сюда с утра, чуть позавтракал...

– Ворованной едой.

Стиор сердито хмыкнул, но отвечать не стал.

– А потом разговаривали, и поесть забыли.

– Мальчику простительно. А вот на вас это не похоже.

Стиор встал и подошел к окну, пытаясь что-то разглядеть в сумерках.

– Знаешь, тебе в это будет трудно поверить...

– Учитель...

– Да-да. Ты полагаешь, что тебя уже нечем удивить. Но поверь мне, в жизни всегда найдется место сюрпризу. Я намного старше тебя. Очень намного. И знаний у меня больше. Однако вчерашний вечер доказал, что сколько бы я ни познал в этой жизни, остается намного больше того, чего я не знаю. По самонадеянности ли, или по неверию, я обратился к силам, о существовании которых даже не подозревал... – Стиор отошел от окна, снял с груди распятие и подошел с ним к свече, разглядывая изображение на кресте. – И, кажется, они мне ответили.

– Учитель...

– И знаешь, Броах, мне на самом деле стало легче.

– А что это за силы?

– Силы? Ты никогда не задумывался, откуда пришли люди? И почему их святого называют вторым спасителем? Значит, был и первый?

– Возможно. Но какое это имеет отношение...

– К нам? Действительно, какое? – Стиор кинул распятие Броаху. – Как думаешь, почему этот человек изображен на кресте?

Броах внимательно изучил крест и пожал плечами.

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Но ведь в этом должен быть какой-то смысл? Мне кажется, мы повторяем ошибки людей. Они отказывались понимать другие расы, объявляя их злом. Мы

же отказываемся понимать Церковь. Но если людей можно оправдать тем, что они, по сути, еще дети, то мы этим не оправдаемся. Ха! Знаешь, забавно. Я говорю «мы», подразумевая и дзенн, и себя, как адептов Тьмы, а про людей говорю как о другой расе, хотя и сам человек. Теперь понимаешь, о чем я?

– Не совсем, учитель.

– Вот и я – не совсем... – Стиор устало опустил на скамейку. – Похоже, я тебя запутал. Но ведь я и сам уже ничего не понимаю. Однако ты сказал очень мудрые слова. Пусть все будет так, как будет. Мы сами выбрали себя орудием пророчества.

Броах за время совместных странствий научился безошибочно определять состояние учителя. Именно поэтому его так тревожила раздвоенность, появившаяся у Стиора, когда тот начал сомневаться в истинности пророчества. Сейчас он тоже сомневался, но раздвоенности не было. Это не могло не радовать, но... что же произошло вчера вечером? Что так сильно повлияло на мага? Броах еще раз изучил распятие. Кто этот человек на нем? Может, и вправду зря они не пытались узнать людей? Как поступили дзенн, когда те впервые появились на Танре? Отвели земли, предложили помощь в учебе... Но попытались ли сами узнать пришедших? О таких попытках Броах не знал. Это не значит, что их не было, но если бы такую цель ставили, то должно было бы остаться больше свидетельств в архивах. А он изучал все доступные

материалы. Все, что нашлось про людей, дзенны начали постигать уже после Катастрофы. Не прав ли учитель? Можно осуждать детей за жестокость и отказ понимать других. Но взрослые виноваты больше, ибо упустили этот момент в воспитании. И кто тогда прав? Люди? Дзенны? Ушедший?

– Учитель, еще один момент. Мы забыли, почему Раор прибежал сюда посреди ночи. Он сказал, что видел меня и вас.

– Ах, да. Со всеми проблемами об этом мы действительно забыли. А ведь этот момент важнее всех прочих, пожалуй. Надо будет обязательно обсудить его с Раором в будущем.

– Но почему он вас увидел?

– Не меня. Тебя. Не забывай, что ты один из тех, кто призван быть ему помощником. Как мне кажется... да, я почти уверен, дело именно в этом. Когда в следующий раз я спрошу Раора подробнее, полагаю, он подтвердит мое мнение.

– Но ведь раньше он меня не видел, хотя я уже не один год живу рядом. Почему только вчера?

– Хороший вопрос, – Стиор задумался. – Опять-таки, могу всего лишь высказать предположение. Мне кажется, дело в том, что только вчера наш с тобой спор приобрел эмоциональный характер. Мы с тобой в корне разошлись во взглядах на пророчество.

– Но какое это имеет отношение к тому, что видел Раор?

– Прямое. Ты ведь уважаешь меня? За время странствий

мы с тобой стали настоящими друзьями.

– Вы мой учитель. Я готов за вас жизнь отдать, – Броах сказал это просто, без эмоций и не рисуясь, отчего его слова приобретали еще больший вес.

– Вот видишь. И, естественно, наши разногласия причиняли тебе боль. Ты не мог со мной согласиться по своим убеждениям, и не мог без боли смотреть на мой разлад. Поэтому и сам испытывал муки. Раор увидел тебя именно в такой момент. Кажется, только в период наивысшего эмоционального напряжения между вами устанавливается ментальная связь. Тут, полагаю, вопрос равновесия. Вы трое должны стать спутниками мальчика. Должны будете защищать его, помогать исполнить пророчество. Но и он должен помогать и защищать вас. Кажется, именно это и называется – «делить и горе, и радость». Вот он и разделяет их с тобой. Только, – Стиор вдруг хмыкнул, – ты ужасно не эмоциональное существо. Всегда спокоен и уравновешен. А поскольку не было всплеска эмоций, он тебя и не видел.

Броах задумался. Потом медленно кивнул.

– Вы правы. Но тогда он должен был видеть и остальных двух. Но Раор нам этого не говорил.

– Это значит, что либо те двое еще не приняли себя в качестве его спутников, либо, как и у тебя, еще не произошло эмоциональное объединение. С ними должно случиться что-то очень неприятное, или наоборот, чтобы всплеск эмоций привел к ним Раора. И, полагаю, пророчество постарается,

чтобы такой всплеск произошел в нужное время. У кого-то раньше, у кого-то позже. Ладно, в любом случае, сейчас – это всего лишь мои догадки. Точнее смогу сказать, когда поговорю с Раором. Сегодня это было не очень удобно, но завтра обязательно расспрошу его.

– Я тоже подумаю, учитель.

Несмотря на то, что дзенн был почти уверен в правоте Стиора, сомнения все равно не покидали его. Поняв, что сейчас все равно ничего не решит, Броах прошел к лавке и лег. Размышления, которые невольно вызвал у него учитель разговорами о последствиях исполнения пророчества, долго не давали ему уснуть. Может, и правда, они неправы? Может, есть иной выход? Неужели только война?

– Люди должны заплатить за свою жестокость, – пробормотал он.

А должны ли?

Постепенно жизнь вошла в привычную колею, если можно назвать привычными бесконечные вопросы Раора, которыми он сыпал с удвоенным старанием. Стиора иногда поражало, насколько легко мальчик все воспринял. Как будто так и должно быть. Себе маг объяснял это тем, что тот еще не понял всей важности происходящего. Однако кое-какие вопросы Раора доказали, что все он прекрасно понял.

Вопреки страхам, и с Броахом не возникло проблем. Мальчик сдружился с дзенном как-то быстро и незаметно. И

вскоре эта парочка уже моталась по лесам, добывая пропитание. Дзенн обучал мальчика премудростям лесной жизни и охоты. После обеда они шумно вваливались в дом, хвастаясь добычей и рассказывая о своих приключениях. Броаха и не узнать было. Всегда молчаливый и сдержанный, сейчас он мало чем отличался от непоседливого Раора. Стиор с улыбкой наблюдал за ними. Раньше он боялся, что – настолько разные – они не найдут общего языка. В те дни, когда мальчик по какой-либо причине не мог прийти, дзенн снова замыкался в себе и становился прежним – сдержанным и холодным. Стиор часто ловил себя на том, что тоже скучает и с нетерпением ждет следующего дня, когда у порога раздастся радостный крик:

– А вот и я! Чему будем сегодня учиться?

И Стиор с энтузиазмом принимался за обучение ребенка. Математика и биология, языки, логика, химия и – теперь уже обязательная – теория магии. Однако пока дар не проснулся, все эти знания были умозрительными, и мальчик относился к ним недоверчиво.

– Я в самом деле смогу все это делать? – поражался он.

– Обязательно. Надо только дождаться, чтобы твой дар проснулся. Уже недолго ждать. А пока давай-ка повторим методы плетения защитных чар...

– Не понимаю, зачем это надо? Вы же сами говорите, что у прирожденных магов магия – как для обычного человека дыхание.

– Верно. Только не забывай про расход энергии. Можно, конечно, использовать и тупую силу. Возьми листок. Взял? А теперь вспомни формулу, про которую мы неделю назад говорили. Рассчитай-ка мне расход энергии при таком подходе.

Мальчик долго сопел, но задачу решил. Потом почесал лоб, недоверчиво глядя на результат.

– М-да.

– Вот тебе и «м-да». Сколько ты сил на это потратишь? Не говоря уже о том, что такой выброс энергии почувствует самый плохонький маг на расстоянии сотен километров, и это не принимая в расчет Ищущих.

– Учитель, а почему Церковь объявила магию злом? Вы ведь говорили, что с ее помощью можно лечить людей, спасать поля от засухи...

– Потому что не понимают. Люди всегда объявляют злом то, чего не понимают. И пытаются это непонятное уничтожить, вместо того, чтобы познать.

В последнее время Стиор не вспоминал о предсказании и своей миссии. Он просто наслаждался каждым днем. Жил так, словно другого дня и не будет. А Раор полагал, что так и должно быть. Но Броах, знавший учителя намного дольше, поражался таким изменениям. Да и магию Стиор стал применять гораздо чаще, хоть и принимая все меры предосторожности. Он мечтал, чтобы эти дни растянулись до бесконечности. Впервые в своей долгой жизни старик был по-на-

стоящему счастлив.

2.

Ветхий пергаментный свиток медленно прокручивался между барабанами читальной машины. Худощавый черноволосый подросток лет четырнадцати-пятнадцати то и дело останавливал барабаны, перечитывая кусок текста, привлечший его внимание. Однако того, что он хотел найти, в книге не было. Уже который день юный маг искал ответ на вопрос: по какой причине младозельфы открыли Дорогу Миров. Сам не знал – почему, но ответ на этот вопрос казался очень важным, не давал покоя, от него зависело что-то такое, что аукнется всем жителям их мира, кем бы они ни были – гномами, драконами или кем еще. Ах, если бы младозельфы не открыли эту проклятую Дорогу... Не случилось бы дальнейшего кошмара, на Танре не появились бы люди, будь они неладны! Однако эльфы сделали это и, мало того, неоднократно. Доткрывались до того, что планета оказалась напрочь отрезана от остальной Вселенной!

Прокрутив свиток до конца, подросток осторожно вернул его на место, активировал заклинание сохранности и тяжело вздохнул. И здесь нет ответа. Казалось бы, чудом наткнулся на самую, наверное, древнюю библиотеку на Танре. Но того, что хотелось узнать, не обнаружил. Жаль, очень жаль. Зато на полках полно учебников по высшей магии. Черной и белой! В них такие заклинания даются, что у Стига после

первого прочтения глаза на лоб полезли. Никогда не верил, что такая информация могла где-нибудь сохраниться. Однако сохранилась – повезло. Узнай об этой библиотеке недоумки из Ассамблеи – тут же прикажут сжечь большую часть свитков и древних фолиантов, вопя о кошмаре Тьмы. Дурачье убогое! Из-за них приходилось соблюдать величайшую осторожность при посещении Хранилища – не дай, Создатель, привести за собой хвост.

Подросток криво усмехнулся: никто не подозревал о его способности превращаться в человека. Даже ближайшие друзья. К сожалению, такие превращения возможны только при помощи магии Тьмы, никак не Света. Сообщи Стиг хоть кому-нибудь, что умеет это делать, всем сразу станет ясно, какой силой он пользуется. Придется спешно бежать, а к побегу еще не все готово. Обидно и горько, но иного выхода, кроме бегства, юный дракон давно не видел. Ему хотелось служить своей стране, служить в Конторе, обеспечивая безопасность империи, но куда там. Стоит однажды проколоться, и та же Контора начнет за ним охоту. Ведь Стиг по законам Нада – преступник. Просто потому, что обладает способностями к магии Тьмы! Но в чем он виноват? Таким уродился!

Кому же понадобилось огульно объявлять Тьму злом? Ведь кому-то понадобилось, кому-то это оказалось выгодно. И не Церкви, все это началось еще с младоэльфов, открывших Дорогу Миров. Фанатики дзенновы, чтоб им провалиться!

ся! Как можно было не понимать, что Свет, Тьма и Равновесие – это всего лишь силы, необходимые для жизни любого мира? Не может ни одна из них превалировать! Не должна! Это видно хотя бы по заклинаниям высшего уровня – в них используются все три силы. Вот только магов, способных сплести такие заклинания, на Танре просто не осталось. Кроме самого Стига.

Черному дракону приходилось тщательно маскировать любое свое заклинание, накидывая на него Вуаль Света, создавать которую он научился, прочтя обнаруженную в Хранилище книгу «Начала». И эти невероятные умения предки полагали началами... Их преподавали одаренным детям эльфов, дзенн и драконов! А нынешние маги, даже высшие, и доли того, что описано в детском учебнике, не знают и не умеют. Обидно и горько, что магия так деградировала.

Теперь Стиг смог бы почти на равных схлестнуться даже с самым архимагом в случае надобности, но, понятно, не показывал наставнику своих особых умений. Дядя Армланний – человек умный, ему одного намека будет достаточно, чтобы обо всем догадаться. После этого судьба свежеевыявленного служителя Тьмы будет не слишком веселой – опыта у архимага всяко больше. И проживет Стиг очень недолго – дня два, максимум, пока Ищущих из Фалнора не привезут. Но обратной дороги у дракона не было, отказаться от самого себя невозможно. Вскоре придет время приниматься за «Основные преобразования Света и Тьмы», которые тоже

нашлись в древней библиотеке. Стиг два года назад краем глаза заглядывал в эту книгу, но мало что понял, слишком много там оказалось высшей математики. Однако теперь – совсем иное дело: освоил и математику.

Вспомнилось, как он нашел библиотеку. Вот уж чудеса... Это случилось месяцев через восемь после того, как дракончика отдали на обучение в Ассамблею. Ох, и тяжело же пришлось в эти месяцы! Ведь занятий в гимназии и стажировку в Конторе никто не отменял. Стиг тогда спал часа по четыре в сутки, сходил с ума, пытаясь все успеть. Так и мучился, пока Вихрь не научил его планировать свой день и четко придерживаться выработанного плана. Стало полегче, но все равно трудно. Об играх и прогулках по городу пришлось забыть. Впрочем, остальным из их компании приходилось ничуть не проще, хоть магии они и не обучались – император после случая с Черным Алтарем приказал загрузить шебутную четверку так, чтобы на шалости не оставалось ни сил, ни времени. Наставники охотно сделали это. Друзья стонали, но не сдавались – гордость не позволяла. Теряли сознание на тренировках от переутомления, но, очнувшись, снова тренировались до изнеможения. И это со временем дало результат. Уже через полгода любой из них без особых проблем мог справиться с несколькими вооруженными взрослыми людьми. Даже хрупкая Лоралиэль.

В тот вечер Стиг допоздна засиделся в библиотеке Ассамблеи: архимаг сказал, что через два дня ему предстоит эк-

замен по элементарным преобразованиям стихий. Вот дракончик и зарылся в книги, лихорадочно перечитывая все, что смог найти по данной теме. Спать хотелось неимоверно, он то и дело клевал носом, но каждый раз встряхивался и заставлял себя продолжить чтение, хоть и понимал, что толку от этого немного. Снова едва не уснув, Стик осознал, что дальше так дело не пойдет, надо хоть немного передохнуть. Представив, что сейчас придется полчаса подниматься на поверхность, а потом еще лететь домой через весь город, он поежился. Нет уж, все равно с утра снова к экзамену готовиться. Лучше прямо здесь поспать несколько часов. Благо, архивариусы уже ушли, оставив позднего посетителя в одиночестве и взяв с него слово, что все будет в порядке. Другому бы, конечно, такого не позволили, но личному ученику самого архимага, приемному сыну тайного советника Тангерда? Разрешили, конечно, хоть и не слишком охотно.

Над-аноурская библиотека Ассамблеи располагалась на глубине трехсот метров, в древних катакомбах, где было на удивление сухо – совсем не похоже на подземелья. Кто построил эти катакомбы, так и не выяснили, их обнаружили лет через триста после основания города, развели какую-то часть и вскоре начали использовать. Как склады, большей частью, – там почти ничего не портилось, не позволяла какая-то странная магия, суть которой лучшие маги Ассамблеи так и не поняли. Однако махнули на это рукой, не обнаружив в катакомбах ничего темного (Стик долго смеялся, прохажи-

ваясь по поводу слепых и глухих невежд), да и место для библиотеки оказалось идеальным. Вот ее туда и перевели.

Дракончик удобно устроился на полу у двери, свернулся в клубочек и тут же уснул. Однако спустя некоторое время его разбудило что-то неуловимое. Какое-то странное предчувствие. В недоумении Стиг зажег заклиниванием небольшой светящийся шар и принялся обследовать библиотеку. Будучи рационалистом до мозга костей, он не верил в привидения и презрительно фыркал, слыша очередную страшилку – Лоралиэль обожала такие истории и часто пичкала ими друзей, искренне не понимая их реакции и обижаясь. Но в эту ночь Стигу стало не по себе, он готов был уже поверить и в привидения. Что-то или кто-то звало его, настойчиво звало. Зов то стихал, то усиливался – в зависимости от того, куда дракончик двигался. По его усилению Стиг и понял, куда надо идти. Почему-то очень хотелось узнать, кто и зачем его зовет.

Вскоре он оказался у дальней стены, где зов и стих. Ну, и что здесь такое? Стиг с недоумением оглядел при свете шара ровную каменную поверхность. Странно, но больше ничего нет. Что же тогда позвало его сюда? Чушь какая-то! На всякий случай дракончик внимательно обследовал стену, но все так же ничего не нашел. Он уже собрался было плюнуть на все и вернуться к выходу досыпать, когда часть стены внезапно покрылась изморозью.

– Дитя Тьмы? – раздался прямо в голове чей-то холодный

вопрос. – Наконец-то! Почти две тысячи лет ожидания...

– Кто вы? – дракончика слегка потряхивало от страха и одновременно любопытства. Никак не рассчитывал столкнуться с темной сущностью в библиотеке Ассамблеи Светлой Магии.

– Дух мага, хранящий книги и хроники для одного из Трех.

– Одного из Трех?.. – растерялся Стиг. – О чем это вы? О ком?

– Уже ни о чем и ни о ком. Ты пришел, только это важно. Информацию будешь искать сам, в Хранилище ее хватает – идущему во Тьме никто не станет облегчать пути. А мне пора в белый канал. Слишком устал ждать этого, слишком долго ждал. Напоследок скажу одно. Раз ты здесь, то и остальные двое тоже вскоре станут теми, кем должно. До исполнения предначертанного осталось совсем немного времени. Поэтому открываю тебе доступ в Хранилище. Учись, дитя! Стань достойным возложенной на тебя миссии!

– Какой еще миссии?! – возопил дракончик. – Да что здесь вообще творится, дзенна в душу мать?!

– Узнаешь со временем, – невозмутимо ответил мертвый маг. – А теперь – прощай!

Ощущение чужого присутствия исчезло, изморозь испарилась. Проклятый призрак больше не откликался, как Стиг ни звал его. Однако стена, у которой замер ошарашенный дракончик, стала чем-то отличаться от остальных. Но чем?

Цвет и фактура камня выглядят по-прежнему. Вспомнив слова мага об открытии прохода, он осторожно дотронулся до стены лапой. И лапа не встретила сопротивления!

Некоторое время Стиг стоял, набираясь смелости, а затем решительно шагнул вперед. В глазах на мгновение потемнело, и он оказался в большом зале, освещенном магическими светильниками, уставленном каменными стеллажами с бесчисленными свитками и фолиантами. Судя по виду, очень старыми. Зачарованный такими сокровищами, дракончик двинулся мимо стеллажей, забыв обо всем на свете. Да, библиотека однозначно древняя – он заметил книги только на дзенн-анн, драг-анн и квэнья. На человеческих языках не нашлось ни одной. Не люди их собирали, явно не люди.

Однако как отсюда выбираться? Стиг поискал выход, но вскоре понял, что такового не имеется. Решив не поддаваться панике, он принялся внимательно обследовать Хранилище. Раз его сюда пустили, то обязаны были предусмотреть также возможность свободного входа и выхода. Некоторое время дракончик бесцельно рыскал по древней библиотеке, а затем обратил внимание на стеллаж, возле которого появился в ней. Там, на третьей полке, лежали небольшой кулон и свиток, объясняющий, как попадать в Хранилище и покидать его.

Все оказалось очень просто. Существовали четыре так называемые точки контакта в укромных местах побережья Аноурской бухты. Даже карта ее нашлась. Старая, конечно,

города на ней не было. Однако Стиг быстро понял, что одна из точек расположена шагах в трехстах от над-аноурского торгового порта. В скалах, куда даже ребяшня редко забиралась – ничего интересного там не было. Чтобы перенестись туда или обратно, нужно всего лишь произнести слово-активатор. Однако кулон телепортировал в Хранилище только магов Тьмы. В руках других он оставался бесполезным украшением.

Немного успокоившись, Стиг спрятал кулон в поясную сумку, где обычно носил разные нужные мелочи, и задумался. Один из Трех? Что имел в виду мертвый маг? И почему ничего толком не объяснил? Открыл хранилище – и тут же сбежал. Что все это значит? Слова о какой-то там миссии очень не понравились дракончику. Не собирался Стиг исполнять никаких миссий! У него своя жизнь. Да, он – маг Тьмы. От рождения. Однако это еще не означает, что он намерен стать ручной собачонкой этой самой Тьмы! Пусть простит Великая Мать, но Стиг сам, и только сам будет решать что, как и когда делать. И никак иначе!

Но выяснить подробности все же следовало. И чем скорее, тем лучше! Необходимо четко понимать, что с тобой происходит, а то можно в такие дебри забрести... Дракончик тяжело вздохнул и начал осматривать полку за полкой, разыскивая хоть что-нибудь, что поможет ему понять. Долго искать не пришлось. На верхней полке того же самого стеллажа, на котором он нашел кулон, прямо посередине лежала

одна-единственная рукописная книга. Стиг взял ее, удобно устроился на полу и принялся за чтение.

Как выяснилось, три Хранилища создали ценой жизни последние маги народа дзенн. Их души не ушли на новое перерождение, а остались охранять знания Тьмы, чтобы они не достались врагу. Это случилось вскоре после уничтожения великого народа Церковью. Одно располагалось там, где сейчас находится империя Над, его и обнаружил Стиг. Второе – на одном из малых островов Срединного Архипелага. Третье – на материке Арбадон, в Ворамских джунглях. Однако это оказалось далеко не все! Три других черных мага, человеческих, хранили еще какое-то наследие древних, и обязаны были передать это наследие Трем по первому требованию. Только вот кто эти самые Трое, и что они должны совершить, осталось неясным, в книге об этом почти ничего не было. Нашлась только легенда о том, что придет время, и родятся три величайших за всю историю Танра мага Тьмы. За каждым последуют три мага послабее. Все вместе они станут чем-то непредставимым и вернут народ дзенн-анн-в'иннал из небытия. Никакой конкретики, чтоб им всем провалиться!

Стиг недоуменно дернул хвостом. Ну, какое ему дело до давно мертвых дзенн, если разобраться? Жаль, конечно, уничтоженный невежественными и жестокими людьми мудрый народ, но тратить на его возрождение свою единственную и неповторимую жизнь? Нельзя сказать, что это умно.

Был бы он дзенном, еще стоило бы подумать над этим. Но он – дракон! Поэтому ничем подобным заниматься не собирается. К сожалению, вскоре Стиг получил подтверждение, что действительно является одним из Трех. Как выяснилось, обычный маг Тьмы тоже не смог бы проникнуть в Хранилище. Только Трое могут приходить сюда, больше никто в мире. Так уж сплели свои предсмертные заветы последние маги дзенн.

Зато прояснилось кое-что, давно не дававшее Стигу покоя. Причина видений, в которых дракончик наблюдал за горестными или радостными моментами жизни Ди Два-Варфа. Именно таким образом каждый из Трех наблюдал за своими вedomыми, которых в книге звали Девятью. Значит, этот дварф – тоже маг Тьмы, но еще не осознавший себя. И они связаны. Хочет Стиг того, или нет, но он отвечает за Ди. Значит, придется приложить все силы, чтобы вытащить беднягу из рабства. Нелегкая задача, но вполне решаемая. Однако остальных двоих дракончик еще ни разу не видел. Что отсюда следует? А то, что с ними, наверное, еще не случилось ничего такого, что вызвало бы сильный всплеск эмоций.

Глухо выругавшись, Стиг задумался. То, что он один из тех, о ком существует древнее пророчество, совсем не радовало. У «героев» жизнь обычно тяжелая и очень короткая. Нет уж, пусть кто хочет исполняет это дзеннское пророчество, а его увольте. Только события могут повернуться и таким образом, что дракончику просто не останется иного вы-

бора, его согласия никто не спросит – ведь на него обратила внимание сама Великая Мать, Тьма. У Стига до сих пор чешуя дыбом вставала при воспоминании о ее холодном, оценивающем взгляде. Так что, вполне возможно, никуда он не денется, не уйдет от своей судьбы. Но и сдаваться дракончик не собирался. Он будет бороться! Для этого придется стать сильным магом, постичь все, что есть в Хранилище, понять причины происходящего и постараться изменить неизменяемое. Обязательно найдется какой-нибудь выход!

Приняв решение, Стиг дотронулся до кулона и прошептал слово-активатор, мысленно назвав номер точки выхода. В глазах снова потемнело, и он оказался между тремя выветренными скалами. Светало. Невдалеке виднелись портовые пакгаузы, возле которых постепенно собирались грузчики. Все верно, вышел у порта. Запомнив куда нужно стать, чтобы переместиться в Хранилище, Стиг одним прыжком взвился в небо и полетел домой. Хоть пару часов поспать перед гимназией, а то совсем никакой будет.

С тех пор дракончик жил двойной жизнью. Оно бы и ничего, но перед друзьями стыдно было. Не хотелось от них ничего скрывать, а приходилось. После случившегося в поместье негоцианта Горвена он осознал множество важных вещей. А прежде всего то, что отныне и навсегда принадлежит Тьме – от зубов до хвоста. Лоралиэль же, Горта и Кирлана колотило от ненависти, если они слышали слово «Тьма», слишком хорошо помнили, что с ними собирались сделать

ее служители. И не объяснишь ведь, что эти слепые дураки не имели никакого отношения к Великой Матери. Слушать не пожелают, сразу заподозрят неладное.

Еще Стигу очень не нравилось набирающее обороты с каждым месяцем сотрудничество между Конторой и Церковью — их однозначно связывало какое-то важное дело, которому недавние враги отдавали все силы, напрочь забыв о прежней вражде. Но какое дело? Это необходимо было выяснить, почему-то дракончик считал это крайне важным, хотя и сам не понимал, почему — какой-то внутренний зуд не давал покоя. Но за все два с половиной года, прошедшие с момента столкновения с магом смерти, он так ничего узнать и не сумел. Не представлял, что существует такой уровень секретности, и это сильно настораживало. Стиг однажды даже рискнул задать Вихрю вопрос с подковыркой, но тот ничего не ответил, только внимательно и подозрительно посмотрел на приемного сына. Дракончик сразу перевел речь на другое, но неприятный осадок в душе остался. Глава Конторы явно что-то об этом знал, но предпочитал помалкивать.

И Стиг взялся за учебу, взялся так, что света белого не взвидел. Как обычно, собравшие библиотеку дзенны позаботились о подробнейшем каталоге, где описывалось все имеющееся, по темам и предметам. О многих науках дракончик раньше и понятия не имел, особенно о генетике, социально-экономической математике и межзвездной навигации. Как выяснилось, древние дзенны имели десятки колоний в

других мирах – еще учитель истории в гимназии говорил об этом, но Стиг тогда пропустил его слова мимо ушей, слишком уж невероятно. Но это было, опять же, до того, как паскудные младоэльфы открыли Дорогу Миров. После отсечения Танра от остальной Вселенной связь с колониями была потеряна навсегда. Да и звездные корабли не могли теперь удаляться от планеты больше чем на половину светового года – дикого, по меркам Стига, расстояния. Он далеко не сразу разобрался в том, что дзенны подразумевали под световым годом. Книги ведь рассчитывали не на таких, как он, полудикарей, а на молодых магов и ученых древнего народа, имевших прекрасное образование.

По мере чтения и осмысления новой информации многое прояснилось. Стиг снова и снова сетовал на то, сколько же знаний потеряли жители родного мира. И во всем виноваты люди! Именно люди! Хотелось рвать и метать, без разбора перебить всех этих паскудных человеков. Но... Но тут Стиг вспоминал Кирлана, других своих приятелей, сотрудников и инструкторов Конторы, да просто горожан, живущих своей жизнью, и ярость сама собой утихала. Они-то в чем виноваты? Пусть даже их предки наворотили дел – но это предки, а не они сами! А ведь если дзенн-анн-в'иннал вернуться, они будут мстить. Невинным мстить! После осознания этой истины Стигу стало по-настоящему страшно. Он представил, как пылают и рушатся города империи, а над ними медленно вздымается гигантская черная тень с двумя пара-

ми безжалостных глаз. Нет! Не будет этого! Слышите, древние?! Он, Стиг Тангерд, не допустит! Одновременно пришло на ум, что именно его дзенн избрали одним из трех исполнителей своего пророчества. Дракончик ехидно оскалился: как же! Не дождетесь! Однако знания лишними не бывают, и он продолжил изучать манускрипты из Хранилища.

Год назад произошло еще одно значительное событие. Стиг впервые увидел своего второго ведомого. Им оказался имперский гном-роваур из богатого и знатного рода Каменных Топоров, по имени Доури Ровур. Вот только гном совершенно нестандартный, не желающий иметь дела ни с камнем, ни с металлом, ни вообще с мастерством, не говоря уже о торговле. Его звал за собой в неведомое ветер странствий, грезилась дальние плаванья, чужие страны и экзотические острова. Он мог ночью выбраться из родных подземелий и часами стоять, мечтательно глядя в небо. Мог сочинять стихи и песни, над которыми потешался весь род. Да, Доури был посмешищем для сородичей, на него с хохотом показывали пальцами, но юный гном, обладая на редкость добродушным нравом, не обижался, сам смеясь на своими недостатками. Потому, наверное, до сих пор Стиг его и не видел – Доури никогда и ничего не принимал близко к сердцу. Однако когда его вызвали на совет рода и поставили ультиматум: забыть о своих странностях или идти на все четыре стороны, – принял. Не ждал от родного отца такого предательства.

Стиг не слишком любил гномов, но от ответственности

за ведомых никуда не денешься, это он уяснил себе четко и сразу. Поэтому провернул хитрую комбинацию, и вскоре семье Ровур из рода Каменных Топоров было отправлено предписание секретариата Службы Безопасности империи Над о срочной доставке в столицу для стажировки молодого Доури Ровура. Обошлось это дракончику очень дорого, пришлось три раза применять темные заклятия, слегка замаскированные Вуалью Света. Но цена не имела значения! Сделал, только это и было важно. Через несколько дней Стига накрыло видение...

Доури пришел к отцу, позванный одним из старших братьев. Он уже несколько дней постепенно собирал дорожный мешок, решив уходить куда глаза глядят – знал, что стать таким, как остальные гномы, не сможет. Неинтересно ему возиться с камнем или железом, как они этого не понимают?! Есть ведь множество иных, не менее нужных дел! Однако не понимают, просто не хотят понимать. От этого молодому гному было больнее всего. Однако отец встретил сына радостной улыбкой, а не недовольной миной, как обычно.

– Что же ты сразу не сказал, глупый мальчишка, что в Контору документы на стажировку подал?! – громогласно взревел старый гном, порывисто ступил вперед и облапил Доури.

– В Контору?.. – растерянно переспросил тот, хорошо зная, что никаких документов в столицу не отправлял. – Но...

– Поздравляю! – прервал его отец. – Ты принят! Первый

из нашей семьи, хотя многие в юности пытались! Вот предписание срочно доставить тебя в столицу. Собирайся! Завтра утром – в дорогу. Я договорился со старшим караванщиком Торговой Гильдии, почтенным Гаури Нордом, он возьмет тебя с собой в Над-Аноур. И гляди мне там, не посрами чести рода Каменных Топоров и семьи Ровур!

Молодой гном застыл на месте, ошарашенно хлопая глазами и ничего не понимая. Ну, не подавал он заявления о стажировке в Службе Безопасности, даже не помышлял об этом! Что за чудеса, дзенн их разбери?! Однако сразу понял, что не воспользоваться выпавшим невероятным шансом глупо. Уж кто-кто, а оперативники Конторы по всему миру путешествуют, порой даже с помощью телепортации, это знали все. Может, и ему удастся повидать иные земли? Узнать, что там – за горизонтом? Хорошо бы...

Сборы, поздравления родных, вечерний пир пронеслись мимо Доури, как дурной сон. Он никак не мог поверить, что это случилось с ним – изгоем, над которым вечно смеялись все вокруг. Давно уже он не решался ни с кем делиться своими мечтами и фантазиями, слишком хорошо знал, что за этим последует. Едкие насмешки. Однако сейчас все стало иначе – сам глава Каменных Топоров посетил пир и поздравил молодого гнома, пообещав ему всемерную поддержку на избранном пути. Мало того, передал рекомендательные письма самым богатым негоциантам столицы и банковский сертификат на огромную, по меркам Доури, сумму – пять

тысяч золотых. Со словами, что гном древнего рода, служащий императору, не должен ни в чем нуждаться. И тоже потребовал не посрамить чести Каменных Топоров. Нереальность и невозможность происходящего сводили Доури с ума, слишком привык, что он никто и ничто. И что так будет всегда.

Еще одно не давало покоя. Ощущение, будто кто-то невидимый не сводит с него глаз. И смотрит одобрительно, хоть и немного покровительственно. Почему-то Доури казалось, что этот неведомый кто-то – дракон. Чувшь, конечно, но он никак не мог отделаться от этих мыслей, хоть изо все сил и гнал их от себя.

Далеко в столице его неверие вызвало у Стига грустную улыбку. У гнома все еще было впереди. И понимание, что именно дракон следил за ним. И невероятное известие, что он маг – первый из гномов за многие тысячи лет. И не просто маг – черный маг! Но сразу открываться Доури Стиг не собирался, пусть парень сначала немного пообвыкнет и оботрется в столице, начнет обучение в Конторе. Его обещал взять прежний наставник дракончика – старший следователь Грыкх Хорбоган. А лучшего наставника, чем этот орк, не найти. По крайней мере, глупые иллюзии из гнома он выдавит быстро и навсегда.

Дорога от Роваурского хребта до западного побережья заняла больше месяца. По прибытии Доури в Над-Аноур его сразу взяли в оборот. Ошарашенный гном только глазами

хлопал в попытках понять, что происходит. Однако много времени на размышления у него не оставалось – мастер Хорбоган свое дело знал хорошо и начал гонять нового стажера так, что тот вскоре взвыл и проклял все на свете. Только знаменитое гномье упрямство не давало ему сдаться и попроситься обратно домой.

Стиг предпочитал не показываться Доури на глаза, наблюдая издалека. Друзья удивлялись его интересу к судьбе незнакомого гнома из далекой Роваурской провинции, но списали это на чудачества черного дракончика, к которым давно успели привыкнуть. Однако начали внимательнее присматриваться к действиям Стига, и с каждым днем все больше настораживались: тот вел себя очень странно. У него появились собственные тайны, которыми он явно не собирался делиться с остальными. Это было обидно, ведь клялись доверять друг другу всегда и во всем, даже кровь смешали, став побратимами. Особенно поведение Стига не нравилось Кирлану, принц этого не показывал, но на всякий случай начал собственное расследование...

Стиг же тем временем не спеша разрабатывал способы вызволения Ди Два-Варфа из рабства. В таком деле спешить не стоит, можно хорошенько влететь. К сожалению, компромата на Леви Нерандера в закромах Конторы почти не нашлось – владелец самых больших верфей мира оказался на удивление осторожен и практически не оставлял следов своих незаконных операций. Пришлось озаботиться продумы-

ванием провокации. Ловушку Стиг подготовил такую, что жадный негоциант в нее обязательно попадется, просто не сможет не попасться. А уж тогда...

Юный дракон осклабился в предвкушении – обожал, когда сволочи получают по заслугам. Как они визжат и корчатся, как умоляют и стараются обелить себя, крича, что ни в чем не виноваты и оправдывая любые свои действия, даже самые омерзительные. Только не поможет, Контора всегда полагалась только на факты, более ни на что. Снова вспомнив, что в СБ ему не служить, что вскоре придется бежать, куда глаза глядят, он помрачнел. Будь прокляты дзенны вместе со всеми их пророчествами! Какое ему дело до них?! Вся жизнь из-за них рушится...

А бежать все равно придется. Хотя бы потому, что в последние несколько месяцев всплесками темных заклятий заинтересовался архимаг, сумел уловить их отголоски, невзирая на вуаль Света. Да и неудивительно – Армлания Колеха следовало уважать, мага сильнее него, если не считать самого Стига, на Танре просто не было. Да и Стига он легко сделает за счет огромных знаний и опыта. Если архимаг поймет, кто связан с Тьмой, то пощады от него ждать нечего. Не посмотрит, что это его личный ученик и приемный сын директора Конторы, с землей смешает. Вихрь повздыхает, но защищать Стига не станет. Или станет? Может, самому признаться?

Неожиданная идея заставила юного дракона задуматься. Он начал крутить ее так и эдак, обдумывая с разных сторон.

Ведь должен же приемный отец понять, что Стиг не желает зла империи, совсем даже наоборот – готов жизнь за нее отдать! Да, он черный маг, но его вины в этом нет. Родился таким! Так за что же его убивать? Не лучше ли использовать? Однако по здравому размышлению Стиг решил не спешить, но сделал зарубку в памяти. Вполне возможно, что стоит попробовать – уж с магом его уровня Вихрь не справится никоим образом. Если разговор пойдет плохо, уйти он сможет легко, набросив на отца парализующую сеть. Тем более что вплотную подошел к заклинаниям телепортации. Если их удастся освоить, то перед ним откроется весь мир.

Времени практически не осталось, скоро встреча с друзьями возле кабачка «Веселый сатир» на западной оконечности Над-Аноура, недалеко от торгового порта. Хорошо хоть, что выход из Хранилища тоже рядом, не придется нестись через весь город сломя голову. Юный дракон убрал на место книги и активировал телепортационный кулон, предварительно проверив, что в конечной точке никого нет.

Взмахнув руками, Стиг понял, что все еще в человеческом обличье. Глухо выругавшись, он быстро превратился в дракона и взметнулся в воздух.

В своей башне настороженно вскинулся Армланий Колех – снова кто-то применил замаскированное Светом заклятие Тьмы! В который уже раз! Однако, несмотря на все усилия, проклятый колдун оставался неуловимым, слишком хорошо маскировался. Ни одно поисковое заклинание не смогло

отыскать его. Пожалуй, придется обратиться к Вихрю, пусть поищет своими способами. Оперативники Конторы не раз уже отлавливали черных магов. Можно будет еще попросить Итана бер Саана (с ним архимаг за последние два года сошелся накоротке и сильно зауважал этого необычного человека), чтобы прислал опытных Ищущих. Эти любого колдуна без проблем отловят и нейтрализуют.

– Привет! – Стиг опустился на мостовую рядом с ожидающими его друзьями.

– Явился, наконец, – недовольно буркнул Кирлан. – Где тебя носило, зараза крылатая?

– Ты бы еще часик погулял, – язвительно добавила Лоралиэль.

– Ну, извините... – смущенно повел крыльями дракон. – Виноват.

– Ладно, чего уж там, – поцокал копытами по камням Горт. – Пошли уже, жрать хочца – сил нет! Столик я на веранде заказал.

В желудке Стига в ответ на эту тираду заурчало. Он и сам не прочь был основательно перекусить, последний раз ел вчера вечером, утром проспал, и на завтрак времени не осталось. Пришлось спешно хватать сумку и нестись в гимназию. Поднявшись на веранду кабачка, юный дракон удивленно дернул хвостом. Надо же, не зря это место так хвалили – даже для взрослых драконов места есть, не говоря уже о таких, как он, подростках в полтора человеческих роста. Меню

порадовало еще больше – все, что душа пожелает. Правда, цены кусались, поэтому горожане невысокого достатка предпочитали кабаки попроще. Однако служащим Конторы, даже стажерам, платили вполне достаточно, чтобы столоваться здесь каждый день, не замечая облегчения кошелька.

Каждый заказал себе что-нибудь по вкусу. Заказ принесли на удивление быстро, только горячего пришлось немного подождать. Запеченные с овощами горные козлята оказались настолько вкусны, что Стиг едва не подавился, попытавшись проглотить слишком большой кусок мяса. Друзья не отставали, весело зубоскаля над огрызающимся Гортом – как и все сатиры, мяса он не ел, обходясь овощами и салатами. Однако когда принесли роскошный огромный торт, все дружно накинулись на него, забыв о шутках.

– Фу-у-ух... – Кирлан откинулся на спинку кресла, с сожалением поглядывая на недоеденный кусок торта. – Да, теперь я наших понимаю. Ради такой кухни можно и на другой конец города смотаться, дзенн с ним, со временем. Зато сколько удовольствия! Жаль, больше не лезет...

– И не говори... – согласился отдувающийся Стиг. – Надо же было так обожраться! Не знаю, смогу ли взлететь.

– Ладно, поели, пора и делами заняться, – стал серьезным принц, сатир и эльфийка поддержали его кивками.

– Это какими-такими делами? – подозрительно уставился на них дракон. – Вроде мы на сегодня свободны...

– Да так, с тобой давно по душам поговорить хочу, – ехид-

но ухмыльнулся Кирлан. – Глянь-ка эту папочку. Чем ты все это объяснить можешь?

Он пододвинул Стигу принесенную с собой серую папку. Тот некоторое время смотрел на друга, затем открыл ее. После прочтения дракону стало не по себе – принц отследил почти все его комбинации по подготовке к освобождению из рабства Ди Два-Варха. И мало того, что отследил, расписал все связи. Впрочем, ничего удивительного, у одного наставника обучались. Из Кирлана, похоже, растет хороший контрразведчик, тогда как сам Стиг, скорее, оперативник, точнее – оперативный координатор. Но что теперь делать? Друзья смотрят недоверчиво, даже обиженно. Куда ни ткнись, с их точки зрения он неправ.

А что, если сказать полуправду? Пришедшая в голову идея была достаточно безумной, чтобы сработать. Признаться в том, что он черный маг, нельзя. Ни в коем случае нельзя! Зато в том, что помогает дварфу и гному – вполне! Тем более что только подготовку к этой помощи Кирлан и отследил, ничего больше.

– Договаривались же доверять друг другу, – принц с укоризной смотрел на друга.

– Вы бы все равно не поверили, посчитали сумасшедшим... – неохотно пробурчал Стиг.

– А ты расскажи, там поглядим, – Кирлан сцепил руки под подбородком.

– Вот именно, расскажи, – поддержала его Лоралиэль.

– Ладно, – тяжело вздохнул дракон. – Понимаете, еще до того, как нас отловил черный маг, мне начали сниться странные сны о мальчике-дварфе с острова Тсорн, Ди Два-Вархе. Рабе на верфях некоего Леви Нерандера. Причем сны настолько яркие, что я сразу понял – это правда. Проверил через информационный отдел Конторы. Все подтвердилось. И верфи эти существуют, и такой малолетний раб на них есть!

– И что с того? – удивленно спросил Кирлан.

– Что?.. – ехидно осклабился Стиг. – А ты знаешь, каково живется рабам?! Я ведь ощущаю все горе и всю боль бедняги Ди, как свои собственные! А значит, обязан ему помочь! И наказать подонка Нерандера. Это такая тварь, что вы себе представить не можете! Он так над рабами издевается, что у меня слов нет.

– Но какое отношение к дварфу имеет гном, которого ты сюда вытащил? – Горт недоуменно теребил шерсть на морде.

– Он мне тоже снился, когда ему было плохо, – буркнул дракон. – Парня из дому собрались выгонять, за то что не такой, как все. Но с гномом проще было, он наш, имперский. Вот я и организовал ему вызов на стажировку, подделав кое-какие документы. И то, что Доури приехал, подтверждает – мои сны правдивы!

– Согласен, подтверждает, – задумчиво кивнул Кирлан. – Но подделка документов... В Конторе?! Ты соображаешь, что натворил?! Ты же служебным положением в личных целях воспользовался! Знаешь, что за такое бывает?..

– Да, воспользовался! – вскинулся Стиг. – А что мне было делать?! Скажи, что?!

– На твоём месте я бы тоже подделал, – тяжело вздохнул принц. – Но лучше бы ты нам все рассказал и помощи попросил, может вместе придумали бы другой способ. Ведь если я докопался, то и наставник может докопаться. Что тогда?

– Может, – уныло согласился дракон. – Тогда мне кранты...

– Эх, дурья твоя башка! – в сердцах хлопнул ладонью по столу Кирлан. – Скажи спасибо, что у тебя друзья есть! Подчистил я за тобой хвосты. Только больше так не делай.

– Не буду... – понурился Стиг. – Но Ди мне все равно надо из рабства вытаскивать!

– Вытащим, – заверил принц. – Вместе и вытащим, не делая глупых и поспешных шагов. Давай, колись, чего ты ещё успел наворотить, помимо того, что я нарыл.

– Не так и много... Постепенно готовлю разорение Нерандера. Через наших агентов среди тарских пиратов.

– Ох, ни дзенна ж себе! – схватился за голову Кирлан. – Да если ты их засветишь, тебе дед лично голову отвертит, и прав будет! Забыл, чего стоило Конторе вообще заслать на остров Тар агентов?! Как ты вообще о них узнал? Я сам знаю только потому, что дед рассказал, да и то двумя словами. Откуда ты взял их контакты, пароли и шифры? Без них ведь...

– У отца в сейфе порылся, – до Стига только сейчас дошло, что он едва не натворил.

– У отца?!. – изумился принц. – А у него откуда?! Он же обычный тайный советник! Хотя, погоди-ка...

Он прищурился и о чем-то задумался.

– Ой, блин... – простонал дракон, сообразив, что только что раскрыл друзьям тайну личности директора Конторы. – Ну, я и придурок...

– Так вот, значит, кто у нас Вихрь... – довольно усмехнулся Кирлан. Лоралиэль изумленно приоткрыла рот, а Горт едва не свалился со стула от такого известия. – Хорошо спрятался, на самом виду. И не нервничай ты так, мы никому не скажем. Только знаешь...

– Что?

– Ну, ты и наглец... Рыться в сейфе самого Вихря? И мало того, пользоваться его агентурой для своих целей? Да уж, у меня бы духу не хватило...

– Деваться некуда было, – смутился Стиг. – Подсмотрел однажды, как отец сейф открывает, и запомнил код. Когда припекло, залез.

– Ну, ты даешь... – помотал головой Горт. – Чокнутый!

– Точно, что чокнутый! – возмущенно согласилась Лоралиэль. – Додумался, тоже!

– А что было делать?

– Что угодно, только не это! – отрезал Кирлан. – И не бойся, вытащим мы твоего дварфа, раз он тебе так важен. Найдём способ. Рассказывай, что ты там придумал.

Вздыхнув в который раз, Стиг коротко обрисовал план

разорения Леви Нерандера и освобождения Ди. Ему было нестерпимо стыдно перед друзьями, страшно хотелось рассказать им все без утайки, но он не мог. Понимал, что черного мага они поддерживать не станут ни в коем случае. Но хоть какую-то часть рассказал, и то лучше, чем ничего.

– А что, неплохо, – одобрил принц, когда дракон замолчал. – Но придется обойтись без использования тарской агентуры, слишком рискованно. У меня есть на примете несколько толковых людей на Тсорне, они не откажутся подзаработать. Да, ты выяснил, Нерандер наступал кому-нибудь на мозоли? Имеются в виду богатые и влиятельные люди.

– Да он всем наступал, если считал, что останется безнаказанным, – скривился Стиг. – Говорю же, такая паскуда...

– А конкретно?

– Дома у меня есть подборка документов.

– Вот и надо, чтобы копии этих документов попали в руки заинтересованным лицам, – усмехнулся Кирлан. – Пусть займут на Нерандера зуб. Забыл основной закон коммерсантов? Падающего подтолкни. А уж если этот падающий раньше толкал тебя самого...

– Это мысль, – задумался Стиг. – Но этого мало.

– Мало, – согласно кивнул принц. – Поэтому слушай сюда.

Выслушав замысел друга, дракон огорченно зашипел сквозь зубы. И почему ему самому такое в голову не пришло? Как просто и элегантно, а главное, не надо использовать агентов отца, своими вполне можно обойтись – а аген-

тов Стиг, как и каждый толковый стажер Конторы, за прошедшие годы завел немало. Прихватывал кого на чем. Особенно иностранных купцов – у этих господ всегда рыльце в пушку, важно вовремя заполучить компромат и прижать купца так, чтобы и пошевелиться без разрешения не мог. Один минус: для реализации плана принца нужны деньги, очень большие деньги – как минимум, несколько миллионов золотых. А откуда их взять?

– Не беспокойся, – отмахнулся Кирлан, когда Стиг спросил об этом. – Я все-таки принц, к четырнадцатилетию дед подарил мне коды к нескольким счетам в самых крупных банках мира. Сказал, что могу распоряжаться средствами на них, как считаю нужным. Проверять, зараза старая. Явно ждет, что я приумножу семейное состояние. А с Нерандера можно немало поиметь.

– Это, если твой план сработает, – озабоченно почесал рог Горт. – А я вот не уверен в успехе, слишком много случайностей должно сыграть в нашу пользу. Можно, наоборот, свои деньги потерять. Что тебе тогда дед скажет?

– Не потеряем, – возразил принц. – Главное, не лезть на рожон и продумывать каждый шаг до мелочей. Тогда Нерандер обязательно сунется в ловушку, просто не сможет не сунуться – слишком жирный кусок, негоцианты такого не упускают. Так что никуда он не денется, разорим.

– Послушайте, а почему сразу разорять? – возмутилась Лоралиэль. – Что вам сделал этот Нерандер? Давайте просто

выкупим Ди вместе с семьей и привезем в империю. Здесь хорошим корабелям будут рады.

– Ты думаешь, он продаст? – скептически оскалился Стиг. – Я уже раз пять разными способами пытался выкупить. Куда там! Рогом уперся!

– И все же надо дать человеку шанс! – упорствовала эльфийка. – Последний! А потом уже идти на крайние меры.

– Последний шанс, говоришь? – прищурился Кирлан. – Ладно, дадим. Это будет даже интересно. И я знаю, кому поручить навестить Нерандера.

В последний месяц вокруг «Верфей Нерандера» началось какое-то странное шевеление, что владельцу компании, понятно, сильно не нравилось. Однако что это за шевеление и кто в нем заинтересован, Леви узнать так и не смог, все его шпионы только разводили руками. Взятки должностным лицам Тсорна тоже ничего не дали. Никто ничего не знал. Но Нерандер печенкой чуял, что надвигаются большие неприятности. Какие? Откуда? Никакой достоверной информации не было. Мало того, многие богатые люди, до того называвшие себя его друзьями, вдруг отвернулись и прервали с негоциантом все контакты. Почему? Узнать о махинациях Леви они никак не могли, концы надежно упрятаны в воду, вместе с людьми, участвовавшими в деле.

– Господин Нерандер, – прервал размышления хозяина голос секретаря, молодого человека с прилизанными волоса-

ми, вызывавшими у Леви брезгливость. – К вам посетитель.

– Никого не принимаю сегодня, – буркнул негоциант. – Гони в шею!

– Его такие люди рекомендовали...

– И какие же? – скептически приподнял брови Леви.

Секретарь назвал несколько имен. Негоциант с досадой выругался – посетителя с такими рекомендациями, хочешь не хочешь, а придется принять: игнорировать желания этих людей глупо – не забудут и не простят. Что ж, надо узнать, чего ему надо. А услышав, как зовут гостя, Леви насторожился еще больше. Кори Дорвет, известный всему Тсорну кризисный посредник. Он вступал в дело, когда война между торговыми домами доходила до открытой резни, что было не по вкусу совету негоциантов острова – по их мнению, все конфликты должны решаться тихо, чтобы не привлечь внимания сильных стран, для которых захватить Тсорн – раз плюнуть. Дорвет брал за свои услуги очень дорого, но дело знал. Год назад ему даже удалось помирить дом Ровага с домом Морета, что все вокруг считали совершенно невозможным – слишком много крови стояло между этими домами. Однако посредник своего добился, война прекратилась, каждый в чем-то уступил, в чем-то выиграл. Вот только Дорвет приходил к кому-либо в самых крайних ситуациях. Неужели кто-то собирается объявить дому Нерандера торговую войну? Но кто?! Никому из опасных людей вроде бы не становился на дороге.

– Зови! – хрипло каркнул Леви.

На пороге кабинета появился высокий худой человек в прекрасно пошитом сюртуке из фалнорской черной шерсти, что сразу говорило о высоком уровне доходов. От оценивающего взгляда льдисто-серых глаз гостя Нерандеру стало не по себе. На память пришли слухи о Дорвете. Поговаривали, что он не только кризисный посредник, а некто значительно больший. Что разорение многих недавно обанкротившихся домов – его рук дело. Однако доказать никто и ничего не смог, слухи остались слухами. Да и связываться с этим человеком решался мало кто. Он содержал целую армию хорошо вооруженных головорезов. Для чего? Опять же неизвестно.

– Здравствуйте, господин Нерандер, – наклонил голову гость.

– Добрый день, господин Дорвет, – встал хозяин. – Садитесь.

– Благодарю, – посредник опустился в кресло. – Мне поручено переговорить с вами по очень важному для моего нанимателя вопросу. Прошу учесть, что от вашего ответа будет зависеть очень многое.

– Слушаю вас.

– Так вот, – заговорил после недолгого молчания Дорвет. – Мой наниматель просит вас продать ему семью Два-Варф. Цена – любая. В разумных пределах, естественно.

От возмущения Леви не сразу нашелся, что сказать. Ему давно надоели чьи-то попытки выкупить строптивых масте-

ров, в свое время они сильно наступили ему на мозоль, и негоциант поклялся, что оплатит. И оплатил! Превратил жизнь dwarфов в кошмар. Однако поганые твари так и не стали покорными рабами, несмотря ни на какое давление! Работают хорошо, но осмеливаются сохранять чувство собственного достоинства. Это приводило Леви буквально в неистовство. И продавать мастеров, пока окончательно их не сломает, он не собирался. Дело было уже не в деньгах, а в принципе. Dwarфы должны знать свое место! Хотелось высказать все, что он думал по этому поводу, но ссориться с Дорветом? Глупо. Он всего лишь посредник.

– А чьи интересы вы представляете? – осторожно поинтересовался Леви.

– Мой наниматель предпочитает остаться неизвестным, – в намеке на улыбку приподнял уголки губ Дорвет.

– Пусть так, – взгляд негоцианта потяжелел. – Но дело в том, что эта семья не продается. Ни за какие деньги.

– Что ж, это ваш выбор, – безразлично пожал плечами посредник. – В случае такого ответа мне поручили передать вот что: вам давался шанс избежать всего последующего. Вы им не воспользовались, поэтому не обессудьте. Засим позвольте откланяться. Свою миссию я выполнил.

– Всего хорошего, – холодно попрощался Леви.

Проводив взглядом скрывшегося за дверью Дорвета, он задумался. И так, кто-то неизвестный объявил дому Нерандера войну. И из-за чего? Из-за нескольких dwarфов? Чушь

полная! Дварфы только повод. Неизвестный враг явно знал, что эту семью Леви не продаст никогда, вот и выставил их продажу основным условием примирения. Знать бы еще – кто это. Однако из Дорвета имени не выдавишь, тайны на-нимателей он никогда не выдаст, потому и имеет столь высокую репутацию. Надежен, как гномий банк. Придется внимательно следить за всем происходящим, может, удастся отследить, чей дом первым начнет финансовую атаку. Хуже, если против него объединились несколько домов, тогда справиться будет нелегко. Но Леви не особо беспокоился – такую махину, как «Верфи Нерандера», просто так с места не сдвинуть, нужны огромные деньги и еще большее влияние на Тсорне. Ему благоволит совет негоциантов, так что пусть враги пытаются что-нибудь сделать. По этим попыткам он быстро поймет, кто они, а затем ударит в ответ. Да так, что от них только перья во все стороны полетят.

Среди негоциантов острова Тсорн постепенно воцарилось недоумение. Кто-то неизвестный неожиданно вбросил на рынок огромные средства, начав покупать и перепродавать компании, тасуя их по какому-то только ему известному принципу. Многие пытались выяснить, откуда поступают деньги, но банкиры хранили загадочное молчание. Никто, впрочем, и не надеялся, что гномы что-нибудь скажут, за это их и ценили. Хотели узнать что-то через другие источники, но тоже ничего не вышло – неизвестные жестко рубили

хвосты, и несколько самых любопытных поплатилось головами. Их убрали тихо и незаметно, одним прекрасным утром они просто не проснулись. Стало только известно, что деньги пришли из заграничных банков. Как бы не из имперских, доверие к которым на Тсорне было абсолютным. Однако кое-кто поговаривал о Фалноре и Крон Арингаре. Какое-то отношение к неизвестным имел также Кори Дорвет, но его расспрашивать было еще более бесполезным делом, чем трести гномов. А угрожать кризисному посреднику, помня о его зловещей репутации, не решился никто.

Хуже всего, что большинство перекупленных компаний тут же перепрофилировали, а многие вообще ликвидировали. Рвались налаженные связи, прекращались поставки, росвал неплатежей по векселям. А кто-то тут же скупал по дешевке эти непогашенные векселя. Опять же через контору Дорвета. Через два месяца на остров почти прекратились поставки корабельного леса, медной и железной руды, угля и продовольствия, что вызвало на местной бирже панику. В результате всего этого несколько крупных компаний вскоре объявили о банкротстве, среди них оказались и верфи основного конкурента Леви Нерандера, Дори Хорнета.

Сам Нерандер пока держался, однако и ему пришлось вывести немало средств в актив и выдать множество краткосрочных векселей, которые негоциант надеялся погасить после получения оплаты за новую партию почти достроенных кораблей. Он не знал, что каждый его вексель тут же выку-

пается людьми Дорвета за полуторный номинал. Кредиторы охотно продавали, радуясь неожиданной прибыли. Не знал он и того, что большинство контрактов на строящиеся корабли тоже перекуплено. Разными компаниями. Что их связывало? Вряд ли кто-нибудь из островитян сумел бы ответить на этот вопрос.

Несмотря на неблагоприятную ситуацию, остаться в стороне, когда с молотка пошли соседние верфи, Нерандер не смог. Слишком уж лакомый кусок. Да, придется влезть в долги, зато контракты Хорнера достанутся ему, а это до сорока кораблей в месяц – огромные деньги. Тем более что до схода со стапелей около полусотни судов осталось всего две недели. Можно и рискнуть.

На состоявшемся вскоре аукционе Леви Нерандер приобрел верфи Хорнета. Заплатил дорого, так как нашлись другие желающие, и перебить даваемую ими цену оказалось непросто. Но дело того стоило, он стал практически монополистом на Тсорне и мог диктовать свои условия заказчикам. Четырехмачтовых грузовых ландеров здесь не строил больше никто, а торговые компании предпочитали именно их из-за вместительных трюмов.

Однако негоциант недолго радовался своему приобретению. Через неделю на его верфях случился пожар, в результате которого сгорели почти все достроенные и большинство недавно заложенных кораблей. На обеих верфях. На следующий же день все до единого владельцы сгоревших судов,

заплатившие в свое время аванс, составляющий обычно до половины стоимости корабля, подали рекламации в совет негоциантов. Одновременно Кори Дорвет выставил к оплате векселя Нерандера на огромную сумму. Негоциант с ужасом осознал, что угодил в хорошо подготовленную ловушку. Наниматель Дорвета сдержал свое слово и разорил его. Леви вертелся, как угорь на сковородке, пытаясь добиться отсрочки выплат, но никто ждать не пожелал. Мало того, кредиторы с радостью продали Дорвету остальные его векселя, срок выплат по которым еще не пришел. Всего за половину номинала – понимали уже, что большего с обанкротившегося негоцианта не получишь.

Нерандер продержался на плаву еще месяц, он судорожно пытался справиться с навалившимися бедами, однако не сумел – слишком велика оказалась сумма долга. Вскоре на совете негоциантов он вынужден был объявить о своем банкротстве. Все имущество «Верфей Нерандера» пошло с молотка, в том числе – и их бывший владелец: на острове Тсорн другой судьбы для банкротов не предусматривалось.

Прикованный к рабскому столбу Леви обреченно следил за торгами. Как он и ожидал, его бывшую компанию приобрел Дорвет. И явно не для себя, у него таких денег отродясь не водилось. Новые владельцы сохранили инкогнито, известно было только, что они из империи, поскольку Дорвет позавчера объявил себя представляющим интересы недавно за-

регистрированной в совете негоциантов компании. Зарегистрировали ее четверо граждан Нада, оставшиеся неизвестными. Точнее, совет негоциантов знал, кто они, иначе регистрация не прошла бы, но коммерческая тайна есть коммерческая тайна. За ее разглашение пришлось бы заплатить слишком много, поэтому секретари совета как воды в рот набрали. Однако всем негоциантам острова было не по себе. Им окончательно стало ясно, что на остров пришла империя. И уже не уйдет. Каждый четко осознавал, что скоро здесь все изменится – везде, где появлялись имперские капиталы, Над устанавливал свои порядки. Быстро и без лишних разговоров. Никто больше не удивлялся разорению Нерандера. Раз он встал на пути имперцев, то еще легко отделался. Кое-кто даже подозревал, что к его банкротству приложила руку всемогущая Контора. Но, естественно, предпочитал держать свои подозрения при себе. С этой страшноватой организацией лучше не связываться, чревато.

– А я ведь вас предупреждал, – донесся до Леви голос Дорвета. – Вы могли легко избежать всего этого.

– Да ну?.. – с трудом поднял он голову. – Не смешите меня. Какое отношение имеют эти паскудные дварфы к моему банкротству?

– Самое прямое. Меня просили напомнить вам о нарисованном кораблике.

– Кораблике?.. – растерялся бывший негоциант.

– Который мальчишка-дварф нарисовал на стене, – лю-

безно пояснил Дорвет. – Вспомните, что вы с ним за это сделали. И не обессудьте. Вас ждет то же самое. Мне поручено продать вас в Тирхомские рудники.

– Тирхомские рудники?! – Леви затрясло от ужаса, уж кто-то, а он знал, каково живется рабам на этих страшных рудниках.

– Именно, – холодно усмехнулся посредник. – Причина? Ваше отношение к рабам. Тот самый кораблик. Испытайте теперь на своей шкуре, что это такое. Помимо прочего, наниматель попросил меня заплатить надсмотрщикам, чтобы они устроили вам ад на земле. Я заплатил. Вам все ясно, господин Нерандер?

Негоциант ничего не ответил, он глухо завыл от отчаяния. Сказать ему было нечего. Дорвет удовлетворенно кивнул и отошел. Он сделал все, что ему поручили.

Галеон неспешно приближался к гавани. Ди застыл на носу, глядя на незнакомый берег впереди и пребывая в растерянности. Никто не гнал его отсюда! Да и вообще, всю дорогу к их семье относились не как к рабам, а как к обычным пассажирам. Даже каюту выделили, а не заперли в трюме! Это вообще ни в одни ворота не лезло, дварфы ничего не понимали. Происходило что-то странное.

Когда рабы узнали, что Нерандер разорился, и верфи купил кто-то другой, они только плечами пожали и высказали робкую надежду, что новый господин будет не так жесток.

Однако на следующий день семью Два-Варф по приказу этого самого нового господина доставили в порт и посадили на галеон под ксанирским флагом. Они не ждали от этого ничего хорошего – давно разучились верить в лучшее. Но относились к ним неплохо, кормили от пуза, не били. Мало того, разрешили свободно ходить по кораблю.

Оглянувшись, Ди заметил, что к отцу подошел капитан, и тоже поспешил туда. Кажется, начинается что-то интересное...

– Добро пожаловать в империю Над, господин Два-Варф! – широко улыбнулся капитан.

– В империю?! – полезли на лоб глаза отца Ди. – Но это значит...

– Именно! В империи рабства нет. Вы свободны! Вас не купили, а выкупили.

– Кто?!

– Выкупивший пожелал остаться неизвестным, – развел руками капитан. – Кстати, могу сообщить, что вас встречают владельцы самых крупных верфей Над-Аноура. Они каким-то образом узнали, что знаменитые братья Два-Варф перебрались в Над. Вон, ждут. Приготовьтесь, сейчас начнут напропалую предлагать лучшие условия, только чтобы вы к ним пошли работать. Здесь корабелы вашего уровня на вес золота ценятся. И никогда не бедствуют!

– Не бедствуют... – едва слышно повторил пожилой дварф, не вытирая стекающих по щекам слез.

Ди слушал слова капитана и никак не мог поверить. Но гавань, над которой гордо реял флаг империи, становилась все ближе. Значит, правда! Ведь в Наде действительно нет рабства! Выходит, он больше не раб?! Он – свободен?! Юный дварф поднял глаза к небу и радостно рассмеялся. Жизнь внезапно повернулась к нему совсем другой стороной. Как жаль, что выкупивший их семью остался неизвестным – очень хотелось ему в ноги поклониться. Но Ди выяснит, кто это был. Когда-нибудь выяснит. Он поклялся в этом себе самому.

Борт галеона коснулся причала, матросы набросили канаты на кнехты, а затем опустили сходни. Семья Два-Варф, все еще не веря в происходящее, ступила на землю империи Над.

С недалекой крепостной башни за дварфами удовлетворенно наблюдали Стиг, Кирлан, Горт и Лоралиэль. Они сумели добиться всего, что хотели! Освободили семью Ди и наказали жестокого негоцианта. Нелегко это далось, но друзья справились. И поняли, что отныне готовы к любому, даже самому сложному делу. Особенно, если будут вместе. Вместе ведь и горы свернуть можно!

* * *

Дни шли за днями. Елена по-прежнему много читала и занималась с травами. Ведь сколько всего нужно было узнать,

запомнить и разложить в памяти по полочкам. А что самое странное, еще никогда девочка, нет, впрочем, уже девушка, не жила так полно. Так интересно и захватывающе. Но весной, когда Елене исполнилось четырнадцать, умерла баба Марта. Она была еще крепкой на вид старушкой, когда вдруг почувствовала, как что-то укололо в сердце.

– Пойду-ка, полежу, отдохну немного, – сказала она ученице, которая готовила отвар из трав.

Когда Елена зашла в комнату, старая травница была уже мертва.

Девушка тяжело переживала эту утрату, успев привязаться к доброй старушке. С помощью магии она быстро установила причину смерти – инфаркт. Опять возникло осознание своего полного бессилия. Она могла бы спасти травницу, если бы... если бы почувствовала болезнь раньше. Елена ведь знала, как можно предотвратить подобное. Читала об этом. Но болезнь прошла мимо ее зрения. Она просмотрела начало болезни! Прохлопала глазами. Но если бы Марта сказала тогда, что плохо себя чувствует...

Варфоломей бросил последнюю лопату земли на свежий холмик, приладил деревянный крест и тактично ушел, оставив девушку одну.

С тех пор Елена еще настойчивей взялась за учебу. Требовала от отца все больше и больше книг. Все чаще и чаще Варфоломей вынужден был ездить по ее приказам. Он ездил, порой удивляясь, что так трепетно относится к любому ка-

призу воспитанницы, которую почитал за родную дочь. Но далеко не всегда удавалось достать то, за чем ездил... Сложность была еще и в том, что часто девушка просила его купить новую книгу, о которой слышала недавно. Варфоломей ехал за ней, и тут оказывалась, что книга уже внесена инквизицией в список запретных. Это особенно бесило юную целительницу. В такие дни к ней лучше было не подходить.

– Невежды!!! Тупые невежды!!! – повторяла девушка, вышагивая по комнате. Отец и мать следили за ней настороженными взглядами. К таким вспышкам они давно привыкли. – Подумать только, эти идиоты запретили книгу Светозара Олнийского! А ведь этот человек – единственный, кто серьезно занимался проблемой туберкулеза. Ха, они заявили, что книга противоречит вере! А на то, что метод Светозара спас множество жизней, им плевать! Ну конечно, ведь именно это опровергало догмы этих тупиц! Они предпочли спрятать опровергающие их улики, но не изменить догмы!!! Невежды, тупицы, идиоты!!!

Чтобы успокоиться, Елена отправилась в свою комнату, где лежали анатомические атласы, которые рисовала сама. Из-за ее собственных исследований организма с помощью магии атласы были столь подробны и точны, как ни у одного из ученых. Сама девушка, впрочем, об этом и не подозревала... В своем увлечении она не замечала, что родители все чаще и чаще поглядывают на нее с тревогой. Тревогой, усиливающейся с каждым днем. Все чаще по ночам в комнате

отца с матерью горел свет, и слышались слова молитвы. Но Елена не обращала на это внимания, живя в своем собственном мире. Поэтому для нее оказалось полным сюрпризом, когда отец заговорил с ней о родственниках, живущих в Корграде.

– Ты о чем это, пап? – не поняла Елена.

– Я говорю, что нехорошо получается. Мы уже почти пятнадцать лет не были у них. Недавно вот письмо получил. Приглашают в гости. Хотят тебя увидеть.

– Но папа, мои опыты...

– Ничего с твоими опытами не случится! А вот тебе самой стоит немного попутешествовать, развеяться, так сказать. Посмотреть мир. Раньше-то мы не хотели тебя брать, мала еще была. А сейчас тебе уже скоро пятнадцать исполнится. Да и посмотришь, как я деньги зарабатываю... не мешает.

Последние слова были ошибкой, это Дионисий понял сразу.

– Что? – яростно вскинулась Елена. – Опять ты за старое? Папа, я не хочу заниматься торговлей! Как ты не можешь этого понять?

– Но ведь на твои опыты нужны деньги, – купец попробовал зайти с другой стороны. – А это дело поможет тебе их получить. К тому же я тебя не заставляю. Просто посмотришь, а заодно и родню наведишь. Через полгода в Корград как раз идет мой караван, тогда и отправишься. А то ведь

нехорошо. Твои бабушка с дедушкой ни разу не виделись с внучкой.

Это действительно было нехорошо, с чем Елена нехотя согласилась. Если бы не это обстоятельство, никогда бы отцу не удалось убедить дочь отправиться с караваном и бросить свои дела.

– Ладно, – сдалась, наконец, девушка после долгих препирательств. – Я все понимаю.

– Вот и умница! – обрадовался Дионисий.

Подготовка несколько затянулась, и караван был готов к выходу только спустя десять месяцев. Так что отправились в путь всего за несколько дней до дня рождения Елены. Это значило, что свое пятнадцатилетие она встретит в пути, хотя до этого планировалось отпраздновать этот знаменательный день уже в Корграде.

– Да не переживай ты, – успокаивал дочь Дионисий. – Не было бы у тебя больших бед!

Он был оживлен и весел, собираясь в дорогу. Рядом суежилась жена, так как чуть ли не впервые в жизни отправлялась вместе с мужем, чему была очень рада. Проверая, все ли она взяла, Варфоломей упаковывал последние тюки. Сам Дионисий отправился к людям, которых он нанял присматривать за домом в их отсутствие, дать последние напутствия.

– Все взяли? – поинтересовался он у семьи, возвратившись.

– Да, папа, – отозвалась Елена, проверяя свою сумку.

Несмотря на давнишнее нежелание ехать, сейчас девушка испытывала странное возбуждение. Ей даже казалась, что доброжелательная сила, которая с рождения следила за ней, была почему-то очень довольна этой поездкой. В чем-то поездка соответствовала ее, силы, планам. Хотя это и не совсем нравилось Елене, не привыкшей, чтобы что-либо тянуло ее на поводке, но она и сама уже хотела повидать новые места, новых людей. Узнать что-то иное, недоступное прежде. Ну вот, пора отправляться...

– Тогда в путь. – Дионисий махнул рукой караванщикам.

Сам караван был не слишком большой. Два десятка мулов с поклажей и пятнадцать человек охраны. Погонщики защелкали кнутами, и мулы начали покидать двор дома. И в никто этот момент не подозревал, что караван отправился не просто в торговый путь. Нет, этот караван отправился навстречу самой судьбе...

Итарв в приподнятом настроении вошел в город Символ Веры на побережье Студеного моря. Здесь он планировал сесть на корабль и отправиться дальше, навстречу своей судьбе, даже не подозревая, что та уже сделала свой выбор.

Городишко, носящий гордое название Символ Веры, не вызвал у сатира ничего, кроме омерзения. Он не понимал, как люди могут жить среди этих вонючих груд гниющей рыбы. Да, город кормится рыбой, но зачем же сваливать ее в кучи посреди улиц? Неужели обязательно разводить та-

кую грязь? Не понимал сатир, даже будучи полностью сыном своего разгульного и безалаберного народа, как так можно. Неужели людям самим не противна эта постоянная вонь и гнилая рыба требуха под ногами?

Итарв поморщился и быстро отыскал взглядом трактир. За годы странствий по свету он научился находить такие заведения с лету. Пересчитав сбережения, сатир радостно оскалился и зашагал вперед.

Трактир встретил его гомоном голосов, которые моментально смолкли, стоило ему появиться там.

– Ого, козел пожаловал! – воскликнул кто-то.

– От козла слышу, – буркнул Итарв себе под нос, благо-разумно не повышая голоса.

Трактирщик при виде сатира радостно ухмыльнулся. В свое время он жил неподалеку от резервации козлообразных и успел неплохо изучить этот народец. Они обычно не уходили из-за стола до тех пор, пока у них в кармане оставались хоть какие-то деньги. При этом грязный и потрепанный вид сатира ничуть не ввел трактирщика в заблуждение. Прекрасно знал, что эта публика может экономить на всем, кроме выпивки. Поэтому даже очень богатый сатир может ходить в таком рванье, что не наденет самый небрегливый нищий.

Едва сатир опустился за стол, как трактирщик тут же поставил перед ним кувшин вина. Итарв раздраженно дернул плечом. Нет, не потому, что ему чем-то не угодили, а именно потому, что угадали его желание. В свое время он от это-

го и сбежал из резервации. Его постоянно раздражала про- ницательность остальных разумных существ. Стоило Итарву Су-Скабу где-нибудь оказаться, как каждый норовил тут же поставить ему кувшин с вином. Сначала это забавляло, но постепенно стало раздражать. Неужели нигде к сатирам не относятся нормально? Сейчас он завидовал даже драконам. Этих тварей Церковь боялась. Боялась и ненавидела, потому и уничтожала. К сатирам же... Да-с, к сатирам все относи- лись с пренебрежением, если не сказать с презрением. Даже Церковь, этот известный ксенофоб, позволила сатирам жить в Фалноре и свободно по его территории передвигаться. Сна- чала он не понимал, почему. Но однажды, когда Итарв был моложе, он подслушал разговор двух инквизиторов. Один спрашивал, почему не трогают сатиров, а другой объяснял.

При этом воспоминании сатир скрипнул зубами и быст- ро хлебнул из кувшина, чтобы забыть жгучее чувство сты- да, которое испытал, услышав ответ. Тот инквизитор объяс- нил, что сатиров не трогают для примера. Их держат, как животных в зоопарке, только без клетки, чтобы все смотре- ли на них и видели, как нельзя себя вести, не то станешь са- тиром. С тех пор Итарв твердо решил уйти. Уйти в надежде доказать, что не все сатиры столь презренные существа. Он мечтал добиться уважения для своего народа. Но быстро по- нял, что это не так просто, как казалось. Залил горе вином, а дальше все покатилося как обычно...

– Они правы! – повторял в такие минуты Итарв. – Все

они правы! Сатиры самые жалкие существа в мире! И я тому доказательство! – И заливая горе, он пил. Пил так, что горе не успевало вырваться наружу.

Вот и сейчас он собирался залить свое горе. Залить унижение своего народа. Хотя и прекрасно понимал, что виноваты сатиры в таком отношении к себе только сами. Никто ведь не заставляет их вести разгульную и бесполезную жизнь. Просто так уж сложилось за поколения и поколения... Итарв очень бы хотел изменить это, но пока не мог справиться даже с собой.

В трактире тем временем возобновился гам. На сатира перестали обращать внимания. Но трактирщик прекрасно знал, что это дело временное... На трезвого сатира еще можно не обращать внимания. А вот когда сатир пьян, это уже проблематично.

Как трактирщик и ожидал, после второго кувшина сатир затянул какую-то песню. Довольно веселую, надо признать. Да и пел неплохо. Люди примолкли, обернулись. Кто-то стал подпевать. Трактирщик усмехнулся. Вот так всегда. Стоило где-то появиться сатиру, как там тут же начиналась гулянка. Через десять минут козлообразный был уже в центре всеобщего внимания. Он что-то рассказывал, сам смеялся над своими довольно похабными шутками. Слушатели ржали вместе с ним. Немногие присутствующие дамы краснели, что вызывало новые шутки сатира в их адрес и чрезвычайно нравилось остальным. В общей суматохе никто не заме-

тил трех мрачных типов, которые вошли в трактир, сели в сторонке и стали хмуро наблюдать за происходящим. Вскоре один из троицы махнул своему спутнику и когда тот нагнулся, показал рукой на одного из посетителей, который только что засмеялся очередной скабрёзности сатира.

– Вот он, – сообщил он. – Этот недоносок осмелился захапать больше, чем ему положено. Такого прощать нельзя.

Его спутник прищурился.

– Сейчас? – спросил он.

– Чуть позже. Хорошо бы в драке.

Два человека переглянулись и кивнули друг другу. Через мгновение они уже присоединились к компании и вскоре весело хохотали над шутками Итарва. Мало кто видел, что они изредка бросали взгляды в сторону одного из посетителей в простой рыбацкой одежде. Неожиданно один из вошедших резко выбил стул из-под какого-то пьяного человека, тот не разобрался и заехал в челюсть ни в чем не повинному соседу. Через мгновение вспыхнула драка.

Сатир замолчал и стал философски наблюдать за боем. Его он никоим образом не касался. Сейчас он был целиком поглощен своим кувшином, и поэтому не видел, как один из недавно вошедших придвинулся к человеку, на которого троица обратила внимание по приходу. Вот он закрыл своим телом его ото всех, вот резко дернул рукой. А когда отошел, рыбак рухнул на пол. Убийца аккуратно вытер нож, махнул своему спутнику и быстро вышел. За ним покинули трактир

и они. В общей суматохе никто не обратил внимания на это происшествие. Когда ворвалась стража, то обнаружила одну драку и один труп. Офицеру разбираться в этом деле совершенно не хотелось, поэтому он велел схватить всех драчунов. Арестовали и сатира.

Сам Итарв в этот момент находился на вершине блаженства, потягивая вино. Он немного посопровтивлялся каким-то людям, которые хотели его куда-то увести. Получил по шее и примолк. Однако категорически был против того, чтобы у него отобрали кувшин. Он начал тонко повизгивать и даже попытался кого-то боднуть своими рожками.

– Да оставьте вы ему этот кувшин! – раздраженно бросил офицер.

С этим сатир был полностью согласен и сопротивляться тут же перестал. Продолжая отпускать сальные шуточки, он зашагал за солдатами. Так его и бросили в тюрьму вместе со всеми. Но он этого уже не видел...

Итарв медленно открыл глаза. Что было вчера, он помнил смутно. Вспоминалось только, что что-то произошло. Сатиры не страдали похмельем – такова была одна из особенностей их организма. Вполне возможно, что именно она и сделала их такими пьяницами. Поэтому Итарву удалось очень быстро восстановить все, что случилось вчера, и понять, в какую переделку он угодил. Вряд ли стража будет разбираться, кто виноват, а кто нет. Итарв застонал.

– Вот же влип... – прошептал он.

Скрипнула дверь.

– А ну, на выход, мразь! – потребовал кто-то, открыв решетку.

Люди задвигались. Стали неуверенно подниматься и выходить. Итарв поколебался, но решил, что качать права сейчас абсолютно бессмысленно.

Арестованных привели в какое-то просторное помещение и заперли в железной клетке. Отворилась боковая дверь, и в помещение вошел человек в черной мантии судьи с добрыми-добрыми глазами. Он ласково оглядел арестованных и прошел на свое место. Сокамерники сатира издали отчетливый стон. Некоторые побледнели.

– Эстан, черт бы его побрал. Нам хана, – прошептал кто-то. Сатир этого не понял. Ему судья понравился.

Судья еще раз оглядел своими добрыми глазами арестованных и повернулся к офицеру.

– В чем обвиняют этих милейших людей, почтеннейший? Офицер зло зыркнул на арестованных.

– В нарушении общественного порядка, драке и убийстве.

– Ай-яй-яй, – покачал головой судья. – Как нехорошо получилось. Как же вы так, мальчики? Ну, понимаю, нарушение порядка. Размяться захотелось, с кем не бывает. Но зачем было убивать раба божьего?.. Кстати, кого убили, почтеннейший?

– Рыбака Джонатана, ваша милость.

– О, милейший человек. Как же вы могли так поступить,

мальчишки?

– Ваша милость, – вскочил Итарв, – но мы, честное слово, его не убивали! – Остальные арестованные посмотрели на него, как на сумасшедшего. – Мы не знаем, кто его убил.

Судья покивал, ласково улыбнулся сатиру.

– Да-да, понимаю. Но хочу заметить, что ложь ни в каком случае не украшает уста такого почтеннейшего существа. Нехорошо, ай как плохо. – Судья встал, прокашлялся. Улыбнулся. – Итак, объявляю приговор. Всем убийцам по пять лет каторжных работ в рудниках. А вот этому за ложь еще пять.

Под стоны арестованных судья все с той же милой улыбкой покинул зал. Итарв замер. Только сейчас он по-настоящему осознал, во что влип. От отчаяния сатиру захотелось треснуть головой обо что-нибудь твердое. Да как он мог купиться на все эти ласковые улыбки и вежливые слова? Со всем из ума выжил?! Ведь мог же сообразить, что этого судью справедливость интересует в последнюю очередь!

Итарв ухватился за решетку и в отчаянии завыл. Это вой пронзил пространство и как раскаленная игла вонзился в голову Елене. Она застонала, схватившись за голову. Почти мгновенно провалилась в видение и успела услышать обвинение и вынесение приговора. Отчаяние сатира резало ее голову раскаленными прутьями. Она мало что могла соображать и медленно провалилась в беспамятство, однако продолжала все воспринимать. Видела как стражники оттащили

Итарва от решетки. Сатир ощутил ее присутствие и повернул к ней голову.

– Сделай же что-нибудь?! – закричал он. – Ведь я не виноват!!! Не виноват я!!! Помоги мне!!! Помоги!!! Я же не виноват...

Елена отчаянно замотала головой, пытаясь прогнать этот вопль отчаяния. У нее перехватывало дыхание от боли, столь сильным оказалось воздействие сатира. Ни с Далталасом, ни с Крученым Рогом она не испытывала ничего подобного. Те более стойко встречали невзгоды. Тут же... Похоже, для сатира случившееся стало настоящим шоком. Именно потому, что с ним еще никогда не случалось настоящей, большой беды, он просто не мог понять, что это и как такое может быть с ним, драгоценным. Да, по-видимому, до этого ему не приходилось еще испытывать ничего подобного. Неудивительно, что раньше девушка не видела его в своих видениях. Но, несмотря ни на что, не испытывала к сатиру никакого сострадания. Убийца недостоин жалости. Вскоре, не выдержав напряжения, Елена отключилась и ее сознание окутала тьма.

Сатир, уловив исчезновение неизвестного мага, сдался и позволил уволочь себя в тюрьму, погрузившись в полнейшую апатию. Ничего больше не интересовало его во внешнем мире. А этот маг? Он же мог помочь! Или не мог? Но даже если и мог, то вовсе не стремился помочь убийце. Это его чувство сатир уловил четко.

– Я же не убийца... – в отчаянии прошептал Итарв. – Я

никого не убивал. Почему ты мне не веришь?

Люди, слышавшие причитания сатира, решили, что он сходит с ума.

– Как она?

– Уже лучше. Кажется, очнулась. Доченька... Леночка... Как ты себя чувствуешь?

Елена медленно подняла голову и посмотрела на встревоженных родителей и Варфоломея. Караван стоял. Почти все столпились вокруг нее, отец с матерью были явно испуганы, кто-то из караванщиков прикладывал ей ко лбу влажную прохладную тряпку.

– Это от жары, – сердито выговаривал Варфоломей Дионисию. – Говорил же, нельзя по такой жаре тащиться. Здесь пустыня, девочка непривычна к такой жаре!

Дионисий смущенно сопел, но не возражал. Было видно, что он чувствует себя виноватым. Ведь это именно он хотел как можно скорее достигнуть Корграда, и двинулся в путь, несмотря на жару.

– Ничего-ничего. Мне уже лучше, – поспешно отозвалась Елена. Она была рада, что потерю сознания отнесли на счет жары. Говорить об истинной причине совсем не хотелось. Да и не стоило пугать родителей еще больше, никому от этого лучше не станет. В результате девушку устроили на специальных носилках с навесом, закрепленных между двумя мулами.

Несмотря на сопротивление и уверения, что ей лучше, Дионисий заставил дочь лечь в носилки.

— Я должен был подумать, что ты не слишком привычна к такому климату, — продолжал сокрушаться купец.

Елена прикрыла глаза, сделав вид, что утомлена. Отец, увидев это, моментально замолчал и отошел. А она, оставшись в одиночестве, стала размышлять обо всем происшедшем. Впервые девушка испытала столь сильные эмоции. По какой-то причине сатир до смерти боялся наказания. И что он там кричал? «Я не виноват! Я не убивал!» Сейчас, вспоминая все в спокойной обстановке, она была уверена, что он не лгал. Не мог лгать в тот момент. Но почему он обратился к ней? Ведь в прошлый раз сам прогнал! Отчаяние заставило его сделать это или еще что, Елена не знала. Но что-то в этом сатире было сильно не так, чем-то он отличался от остальных из своего народа. А тут еще связующая нить... Нет, здесь все далеко не так просто, как могло показаться с первого взгляда. Сатир так же связан с ней, как и Далталас, и Крученный Рог. И именно вчетвером они должны будут свершить то, к чему их готовила неведомая сила. Когда до Елены окончательно дошла эта истина — она вздрогнула. Значит, не просто так дан ей магический дар, не случайно? Девушка вся похолодела, она хорошо помнила, что у любого, следующего Предначертанию, страшная судьба. Но сдаваться не собиралась — что ж, пусть страшная, но это ее судьба, и ничья более! И без сатира, похоже, не обойтись...

Елена тряхнула головой.

– Да что мне за дело до него? Нахальный, неприятный, грязный.

Но не убийца, шепнул внутренний голос. Не мог он убить, Елена верила своим чувствам и только ее антипатия заставляла относиться к сатиру не слишком доброжелательно. Однако она уже привыкла в бесконечных тайных упражнениях с магией подавлять свои чувства и порывы – это было необходимо для сосредоточения. Но чем она могла помочь? Кто будет слушать ее? Елена осознавала свое бессилие. Однако понимала, что если выдастся случай, то поможет Итарву всем, чем только сможет, не пожалев самой себя. Теперь девушке было стыдно, ведь она оттолкнула от себя одного из тех, за кого отвечала. Перед кем отвечала? Этого Елена не знала, но была уверена, что ответственность лежит именно на ней.

В этот момент ее накрыло новое видение. Далталас бежал. Он задыхался от быстрого бега, но продолжал бежать, держась за бок. И этот бок болел, страшно болел, Елена ощущала боль эльфа так же четко, как до того – отчаяние сатира. За ним гналась толпа народа. Впереди неслись с улюлюканьем какие-то молодчики, размахивая палками. И опять ее захлестнула волна отчаяния. Такая же сильная, как и в предыдущем случае.

– Держи ублюдка!!! – раздавались крики. – Хватай его!

Через мгновение толпа налетела на несчастного эльфа и

буквально подмяла его под себя. Взметнулись палки.

– Ладно, хватит ему, – заметил здоровенный детина через некоторое время.

Толпа молодчиков отступила. Далталас лежал на дороге, свернувшись калачиком и закрывая голову руками. Его одежда была изорвана в клочья, из многочисленных ран текла кровь. Все тело покрывали ушибы и синяки. Детина смачно сплюнул на съезжившего эльфа и напоследок еще раз пнул его.

– Будешь знать, остроухий придурок, как на нашу территорию соваться. Надеюсь, этот урок ты надолго запомнишь! Пошли, братва.

Компания удалилась. Далталас попытался встать, но от боли потерял сознание. Вместе с ним провалилась в беспмятство и Елена, успев порадоваться, что лежит на носилках и не упадет с коня.

Когда девушка очнулась, то обнаружила, что вся подушка залита ее слезами.

– За что?! – спросила она Создателя в беззвучной молитве. – За что все это? Почему?!

В этот момент на Елену навалилось новое видение. В один день – три. Такого никогда еще не случалось. Перед ее глазами появился приземистый юноша. Из одежды на нем была только набедренная повязка, а в руке он сжимал копье. Если судить по росту, то его можно было принять за тринадцатилетнего мальчишку, но стоило посмотреть в лицо, как тут

же становилась ясна ошибка. Юноша лет шестнадцати. Он, замерев за кустами, за чем-то настороженно наблюдал, Елена даже не поняла, за чем. Но местность вокруг показалась смутно знакомой. Девушка всмотрелась и вскоре вспомнила. Конечно же – это то самое место, где жило племя Крученого Рога. Вон поляна, на которой любил играть с друзьями маленький дикарь. Но почему же она не сразу узнала эту поляну? И почему ее друг с таким отчаянием смотрит вперед?

Елена проследила за взглядом Крученого Рога. Первым, что она увидела, оказалось белое знамя с огромным красным крестом на нем – символом воинов-паладинов Святой Церкви. Еленка вспомнила однажды прочитанное – там говорилось, что такое знамя паладины оставляют там, где дикари отказались принять истинную веру. И только потом девушка разглядела все остальное. Селения больше не было. Просто не было... Все дома сожгли начисто. Вокруг валялись трупы. Причем было видно, что многие умерли не сразу. Мужчины, женщины. А самое страшное она увидела немного в стороне – остатки огромного костра и куча обгоревших детских тел. По их позам Елена поняла, что детишек швыряли в костер живыми...

Девушка застонала, ощутив волну боли, исходящую от Крученого Рога. Он тоже не понимал происходящего. Не понимал этой дикой, нечеловеческой жестокости. Помнил, что в их племени не так давно гостили какие-то странные люди, называвшие себя миссионерами. Они проповедовали ве-

ру в некоего истинного бога. Над этими глупыми и ничего не умеющими людишками смеялось все племя. Нет, их приняли, как следует – в племени Крученого Рога к гостям всегда относились хорошо, однако слушать их никто не пожелал. Те стали рассказывать о своем боге и обещать кары всем, кто не примет истинной веры. Но над ними только посмеивались. В племени было много мужчин, и оно не боялось гнева какого-то чуждого бога. И уж совсем не собирались менять свою веру. О чем вождь и заявил миссионерам.

– Вы пожалеете! – пообещали те, уплывая.

И вот, похоже, обещанная кара настигла племя...

Елена без труда разобралась в мыслях и чувствах юноши – в таком страшном он был отчаянии. Ей же хотелось и плакать, и смеяться. Плакать над его горем и смеяться его наивности. НЕ бог – не виновен в этом кошмаре бог. Люди. Всего лишь злые люди, присвоившие себе право творить зло от имени бога. А в том, что сотворенное – зло, Елена не сомневалась ни на мгновение. Она ведь несколько лет наблюдала за жизнью племени благодаря своему другу. Знала радости и горести многих из этого миролюбивого племени рыбаков и охотников. Не могли они быть слугами зла. Не могли! Так за что же их так? За что?! Только за то, что отказались молиться и креститься так, как указывали отцы Церкви? Только за это?!

– За что?! – эхом вторя ее мыслям, закричал Крученный Рог.

Убедившись, что убийцы ушли, юноша вышел из укрытия и теперь шагал по головешкам – это было все, что осталось от его родного селения. И столько горя звучало в его беззвучном крике, что Елена в третий раз за этот день потеряла сознание.

Очнувшись, девушка долго вспоминала случившееся, пытаясь найти хоть какое-нибудь оправдание поступкам церковников. Но такового не было... Да и не могло быть – только подлость, жестокость и жажда власти. Только эти причины могли иметь значение для подонков, подобных служителям Церкви. И пусть не утверждают, что это нужно Богу. Разве Богу нужны те, кого силой заставили верить в него? Нет. Люди. Только люди способны на такое. И этих людей нужно остановить любой ценой. Видимо, для этого Создатель и дал ей Дар. Елене стало страшно – осознать и принять, что на тебя возложена такая задача, по силам не каждому взрослому, а ей ведь сегодня исполнилось всего пятнадцать лет... И она – девушка... Но решимость медленно поднималась откуда-то из глубин души. Если бы кто-нибудь сейчас заглянул в ее глаза, то отшатнулся бы. Там бушевала первозданная Тьма. Тьма и боль, рвущие душу на части. Елена уже знала, что пойдет вперед, невзирая ни на что.

– И творя зло, люди будут считать его добром, – вспомнилась прочитанная однажды фраза.

Больше всего пугало, что все эти происшествия случились в один день. Словно кто-то невидимый управлял ими. Это

было непонятно. Это было страшно. Это не могло оказаться случайностью. Беда со всеми тремя, связанными с ней? Какая-то сила свершила это. Осталась она сама... Неужели и с ней что-то плохое должно произойти?

– Внимание! – раздался встревоженный голос караванщика.

Елена осторожно выглянула из-под покрывала. Немного в стороне вдали виднелись всадники. Кажется, они тоже заметили караван и теперь неторопливо направлялись к нему.

– Спокойно, только спокойно, – дрожащим голосом повторял Дионисий. – Мы в самом центре Фалнора. Здесь не может быть разбойников.

Тем не менее, он отдал распоряжение страже быть наготове.

Елена, наблюдая за поднявшейся суетой, отчего-то снова вспоминала сегодняшние события, и ей становилось страшно. Даже не страшно, а жутко. Предчувствие чего-то неоправимого холодной рукой сжало сердце.

Не отдавая себе отчета, девушка внутренне приготовилась к неприятностям. Всадники приближались все так же не спеша, и девушке казалось, что это идет сам рок. Идет по ее душе.

3.

Лесные дороги в этой части Туага никогда не отличались безопасностью. Поэтому человек, в одиночестве бредущий по дороге, крепче перехватил посох и, прежде чем шагнуть под свисающие кроны, внимательно осмотрелся вокруг. Погони он не опасался, понимая, что Лорт ничего не осмелится сделать, если не захочет выставить себя идиотом, что для купца страшнее смерти. Но вот нанять каких-нибудь головорезов он вполне способен. Человек усмехнулся и подкинул в руке увесистый кошелек.

– А все потому, что некоторые совсем потеряли совесть, – пробормотал он. – Был бы Лорт честен со мной – и тогда в убытке был бы я, а не он.

Однако человек хитрил. Лорт просто не мог остаться честным в ситуации, когда, как ему казалось, деньги сами плывут в руки. Все, что надо, чтобы их забрать – это обмануть довольно странного партнера, появившегося неизвестно откуда. Чужак. А раз чужак, то надуть его – святая обязанность любого уважающего себя купца. Вот и пострадал. Путник тихонько хихикнул про себя. Но тут же снова осмотрелся – об осторожности забывать не стоило, не хватало нарваться-таки на какого-нибудь «обиженного».

Никаких угрызений совести он не испытывал. Он давал Лорту шанс. Путник всегда давал своим жертвам шанс не

только остаться при своем, но даже выиграть. Все, что для этого требовалось – оставаться честными и следовать договоренности.

Человек неожиданно замер и прислушался, оторвавшись от приятных размышлений по поводу Лорта, обманувшего самого себя. Подкинул посох и перехватил поудобнее, внимательно оглядываясь. И тут же резко сорвался с места и бросился в чащу. Через минуту он удивленно разглядывал сквозь кусты непонятно откуда взявшегося здесь мальчишку лет восьми-девяти. Тот сидел посреди поляны и плакал. Плакал, ничего не замечая вокруг.

Путник недоверчиво оглядел поляну, опасаясь ловушки. Слишком уж неестественно выглядел одинокий ребенок в этом пустынном месте. К тому же его одежда... Как ни пытался, но он так и не смог вспомнить, какому народу может принадлежать эта одежда. Эльфы? Да нет, те вообще не покидают Эльвидар. Да и не носят они такого. На сатира ребенок тоже не походил. Явно человек.

Мужчина еще минут пять наблюдал за плачущим мальчиком, затем, наконец, решился.

– Моя доброта меня погубит, – пробормотал он, выбираясь на поляну. Тем не менее, бдительности он не терял, хотя был почти уверен, что никакой засады нет.

Мальчик, услышав шаги, вздрогнул и поднял заплаканное лицо. Путник почувствовал, как по его спине забежали мурашки, настолько поразила его недетская серьезность в этом

детском взгляде. Тут явно было что-то не то. Пахло неприятностями. Причем такими, от которых благоразумные люди спасаются бегством. Бегством быстрым и, по возможности, не оглядываясь. Разве только посмотреть, далеко ли погоня.

Путник попятился, намереваясь поскорее скрыться. Но тут мальчик испуганно вскрикнул. Вся его серьезность испарилась, и на поляне снова сидел смертельно напуганный ребенок. Он сжался в комок и с ужасом наблюдал за человеком. Тот ругнулся. Не успел. Не успел убежать! Теперь уже не сможет просто так бросить беззащитного малыша. Можно было бросить ребенка с пугающе взрослым взглядом, но бросить этот испуганный комок...

– Спаситель, помоги мне. Я знаю, что делаю глупость, но я не могу его оставить. Он же погибнет один. – Путник прочитал короткую молитву для храбрости и шагнул к мальчику. Заметив, что тот испуганно попятился, остановился и опустил на корточки.

– Ну что ты, глупыш? Чего ты испугался?

Мальчик с недоумением посмотрел на него. Путник сообщил, что его просто не поняли. Он осторожно приблизился. На этот раз мальчик не стал пятиться. Кажется, ему даже удалось взять себя в руки. И тут он впервые заговорил, что-то спросив. Путник разочарованно вздохнул: язык оказался совершенно незнаком, хотя он знал около десятка языков и наречий.

– Прости, не понимаю, – путник развел руками. – Давай

попробуем так. — Он начал произносить фразы на разных языках, но мальчик только удивленно моргал.

Тут он, видно, решил, что настала его очередь, и снова заговорил. Мужчина мигом уловил, что на этот раз звучит совершенно другой язык, не тот, на котором говорил ребенок в первый раз, но и эту фразу он тоже не понял. Мальчик понял это и тяжело вздохнул. Потом с какой-то растерянностью посмотрел вокруг. Обвел вокруг себя рукой и опять что-то спросил.

— Ты спрашиваешь, что это? Эта страна называется Туаг.

Человек сообразил, что так они далеко не уедут. Он решительно встал и быстро подошел к ребенку. Мальчик не успел отодвинуться и испуганно посмотрел на мужчину. Но тот просто опустил руку перед ним и коснулся себя рукой.

— Меня зовут Сельф ан Сельфин ибн Грэд. Но можешь называть меня просто Сельф или Грэд.

— Сельф ан Сельфин ибн Грэд. Сельф. Грэд, — старательно повторил мальчик. Потом, копируя жест мужчины, дотронулся до себя. — Володя.

Путник удивленно моргнул.

— Как? Впрочем, неважно, — тут же поправился он. Но последнее мог бы и не говорить — мальчик его все равно не понял. — Я не знаю, где носят такие имена, и знать не хочу. И вообще, мне пора идти.

Он поднялся. Мальчик тоже вскочил и доверчиво посмотрел на него. Сельф вздохнул.

– Где твои родители, чадо?

Мальчик вздрогнул, словно поняв вопрос, и провел рукой по лицу, размазывая слезы. Только сейчас Сельф внимательно изучил его. Володя был одет в брюки из какого-то странного плотного материала синеватого цвета. Темно-синяя рубашка, явно мягче, чем брюки. На груди – два кармана. Сельф непонимающе покачал головой: кому могла прийти в голову мысль пришить карманы на грудь рубашки? Это же прямое приглашение воров! По одежде Сельф ничего не смог сказать о мальчике. Странно. Обычно по еле заметным швам он умел не только определить родину человека, но даже город. А тут впервые спасовал. Одежда Володи поражала одновременно своей роскошью и бедностью. Ни один нищий не напялит на себя такое, но любой богач отдаст что угодно за материал, из которого она пошита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.